

Елена Фёдорова

РАССКАЖИТЕ

ТОНЕНЬКАЯ БОРТПРОВОДНИЦА



Елена Федорова

**Расскажите, тоненькая
бортпроводница (сборник)**

«Автор»

2005

Федорова Е. И.

Расскажите, тоненькая бортпроводница (сборник) /
Е. И. Федорова — «Автор», 2005

ISBN 5-8037-0292-7

Елене Фёдоровой в полной мере удалось возродить когда-то любимый всеми, а ныне почти забытый жанр романтики и приключений, наполнить его принципиально новым, современным содержанием. Любовь, бесстрашие, тяга к неизведанному, страсть к путешествиям, светлая память о предках – все жизненные коллизии переданы богатым, ярким художественным языком. В чем смысл жизни? Почему нам суждены страдания и разочарования? Какова формула счастья? На эти и другие вопросы ищут ответа герои произведений, сюжеты которых динамичны, увлекательны, кинематографически выстроены. Книга будет интересна читателям всех возрастов. В седьмую книгу автора вошли: романтическая повесть с одноименным названием, две новеллы: «Танец огня» и «Утренняя звезда», а так же стихи и песни.

ISBN 5-8037-0292-7

© Федорова Е. И., 2005
© Автор, 2005

Содержание

Предисловие	6
Расскажите, тоненькая бортпроводница	8
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Фёдорова

Расскажите, тоненькая бортопроводница

© Е.И. Фёдорова, 2005

© Оформление «Янус-К», 2005

* * *

Предисловие

«У меня стюардесса всегда рифмовалась с принцессой. Представлялось, что где-то, в волшебном замке, который скользит по небу, царствует неземное создание. Во дворе мы непременно играли в чудо-принцесс – стюардесс, ничегошеньки не зная о профессии стюардесс.

Стюардесса – принцесса нездешняя
Нас с улыбкою встретит у входа
Серебристо-белого лайнера
Самолета Аэрофлота.

С ней рассыплется время полетное
На сверкающих бусин каскад.
– Кто вы: фея, волшебница или же?
– Стюардесса! – глаза, точно звезды блестят...

Потом, как гром среди ясного неба, сообщение о гибели Надежды Курченко, которая ценой собственной жизни спасла жизнь пассажирам.

Умирать, конечно, никто из нас не хотел. Нам хотелось повидать разные заморские страны, о которых мы, дети шестидесятых, слышали невероятные сказки. Еще хотелось побывать на нашем заснеженном Севере, где белые медведи, вечная мерзлота и юрты. Про юрты думалось, потому что папа был врачом и служил в военной авиации на Севере. Мама тоже была врачом. Она лечила местных жителей – чукчей, которые жили в юртах.

Вечерами мы с сестрой мечтали, не подозревая о том, что если есть настоящая мечта, то она непременно сбудется – таково правило всех настоящих мечтаний. Много позже я поняла, что у меня была настоящая мечта, а у сестры понарошку, потому что моя мечта сбылась. Правда, когда я сказала бабуле, что хочу летать на самолетах, она всплеснула руками, долго-долго крестилась, плакала, молилась несколько ночей кряду, а потом, облегченно вздохнув, проговорила:

– Ладно, ступай. К Господу ближе будешь.

Я расцеловала ее в морщинистые щеки и помчалась устраиваться на работу. Но оказалось, что одного благословения мало, что предстоит еще пройти бесконечное количество парткомов, собеседований, проверок и т. д.

Прохождение творческих туров в Щукинское театральное училище мне теперь вспоминалось, как приятное времяпрепровождение. Подумаешь, конкурс тридцать человек на место. Подумаешь, басня, проза, творческий этюд. Да это же пустяки.

Вы попробуйте пересказать без запинки содержание всех партийных съездов, назубок выучить географию родной страны и стран социалистического лагеря, рассказать обо всех существующих в Москве памятниках, а потом назвать поименно всех павших героев.

Но тогда мы жили в стране, под названием Советский Союз, поэтому легких путей не искали. Мы твердо знали: за все надо бороться, и боролись. Когда же комиссии были позади и, казалось, что можно облегченно вздохнуть, вступала мелодия судьбы, ну знаете, как у Бетховена: «Па-па-па-па!», а строгие начальники сообщали следующую информацию:

– Вы все (восемнадцать девчонок и двое ребят) получили вызов на работу. Но учеба на курсах бортпроводников начнется через полгода. За это время вы должны (приготовьтесь загибать пальцы): отработать на строительстве общежития для работников Аэрофлота, побывать на сборе картофеля в совхозе или колхозе, потом сортировать этот картофель на

плодоовощной базе (тогда все сортировали. Один профессор вкладывал в пакетики листочки со своей фамилией и ученой степенью – сейчас этим листочкам дали название «визитные карточки» – чтобы гражданам было приятнее вкушать картофель, которого касались профессорские руки), а летом быть посудомойками в пионерском лагере.

За полгода мы становились специалистами широчайшего профиля. Скорее всего это было нужно потому, что профессия стюардессы многогранна: ты и актриса, и психолог, и политик, и няня, и строгий наставник, и добрый собеседник, и просто очаровательная русская женщина, которая может почти все»...

Так начинается мой рассказ, который был напечатанный в 2000 году в книге «У Турмалиновой реки». Но мне хотелось расширить рамки повествования. Ведь, если говорить честно, то простой рассказ о профессии мало кого может заинтересовать. Но вот, если мы говорим: доктор Чехов, поэтесса Марина Цветаева, писатель Борис Пастернак, штурман Марина Раскова, стюардесса Надя Курченко, то профессия приобретает иной оттенок, становится живой, вызывая настоящий интерес.

Вот и в моей повести герои – реальные люди, которые живут рядом с нами, являясь участниками бесконечной, многоактной пьесы под названием «ЖИЗНЬ».

Повесть не является автобиографической. В ней нет строгой документальной хронологии и сухой статистики, нет сенсационных разоблачений и прочего, о чем рассказывают в анекдотах. Она скорее похожа на калейдоскоп, в котором постоянно меняются мозаичные рисунки.

Материал я собирала долго и тщательно по крупицам, по каплям, а потом из капель получился маленький, прозрачный ручеек, который, возможно, кто-то найдет и захочет из него напиться.

Автор

Расскажите, тоненькая бортпроводница





Человек смотрит в книгу, как в зеркало. Видит там себя. И интересно: один видит добро и плачет, а другой видит тьму и злится... На основе одних и тех же слов!

Роль автора состоит в том, чтобы не стремиться пробуждать чувства, а не иметь возможности уйти от этих чувств. Быть их пленником, пытаться выбраться, наконец, что-то написать и освободиться. И, возможно, тогда мысли, ощущения осядут в тексте. И возникнут заново, стоит только другим глазам (понимающим) впиться в строчки.

Людмила Петрушевская

*Большое спасибо прославленной военной летчице,
командиру звена «Ночных ведьм» Марии Николаевне Поповой
и стюардессе Галине Залоговой за предоставленные материалы*

Расскажите, тоненькая бортпроводница,
Что заставило с небом вас породниться?
Это так нелегко в вечном шуме моторов.
Это так далеко от того, кто вам дорог.
Вам не страшно?
Она говорит бесшабашно:
– Ну и что из того. Я люблю, когда страшно!¹

¹ Эти стихи Лев Ошанин подарил двум стюардессам Татьянам.

Лев Ошанин

1

Мы долго-долго поднимались вверх по темной, широкой лестнице. Он крепко прижимал мою руку к своему боку. Я чувствовала тепло его тела и счастливо улыбалась. Мне было совсем не страшно идти в полной темноте вверх по широкой лестнице, которая, казалось, никогда не закончится.

Эта темная лестница существовала сама по себе. Она возникала из ниоткуда и поднималась вверх. А мы зачем-то упорно поднимались по ней. Мы шли молча, совсем не испытывая при этом никакого дискомфорта. Наоборот – наше молчание было неким таинственным знаком. Оно существовало на уровне подсознания и связывало нас сильнее, чем все слова произнесенные человечеством.

Я чувствовала, как учащенно бьются наши сердца, какими горячими становятся руки, и желала идти по темной лестнице вечно. Но она вдруг закончилась огромным освещенным проемом, обрамленным белыми, широко распахнутыми створками.

Мы замерли на самом краю лестницы, упирающейся в небо. Позади нас была холодная темнота, а прямо пред нами бескрайний воздушный океан, по которому носились веселые маленькие барашки кучевых облаков. Солнечные лучи протянули свои теплые ладошки и погладили нас по щекам.

Я глянула вниз и увидела мягкий ковер ромашкового поля. Бело-желтые ромашки чуть вздрагивали от легкого ветерка, поворачивая свои макушки к солнышку. Казалось, что они совершают какие-то замысловатые танцевальные «па». Вокруг ромашкового поля стояли молодые березки и перешептывались, шелестя свежими, только что распустившимися листочками.

Птицы выводили фантастические рулады, а воздух был пропитан таким густым весенним ароматом, что у меня закружилась голова, и я выдохнула:

– Это все не реально!

– Это все более чем реально, – спокойно проговорил он. – Мало того, мы с вами можем обладать этой красотой, если захотим.

Он немного помолчал, потом назидательным тоном проговорил:

– У людей всегда есть право выбора. Всегда! Просто зачастую они принимают неправильные решения, идут не туда, куда надо.

Он смотрел на меня и улыбался. Я понимала, что вижу его впервые, и мысленно задала себе массу вопросов: «Почему я оказалась с незнакомцем на этой странной темной лестнице, ведущей в небо? Кто он такой? Что ему от меня надо?» Но страха в душе не было, и я рассматривала незнакомца с нескрываемым любопытством.

Передо мной стоял высокий, широкоплечий молодой человек. Его темно-русые, волнистые волосы были аккуратно подстрижены. Загорелое широкоскулое лицо. Прямой нос со слегка расширенными ноздрями. В мягкой бороде прятались улыбающиеся губы. А в больших карих глазах, обрамленных темными, длинными ресницами, отражались березы, ромашки, солнце и еще что-то знакомое и родное.

– Вы будете моим мужем! – радостно выпалила я, глядя незнакомцу в то место в бороде, где прятались улыбающиеся губы.

Борода зашевелилась, обнажив белые ровные зубы. Губы вытянулись в трубочку, выпуская наружу слова:

– Вы, верно, шутите?

– Нет, я говорю вполне серьезно.

– Тогда позвольте вас спросить: разве вы не боитесь испытаний? – его голос звучал сразу и снаружи и внутри меня, обволакивая все мое существо сладковатой истомой.

– Испытаний, – машинально повторила я, совершенно не желая думать ни о чем. Мне просто хотелось слушать его голос, смотреть, как шевелится борода, обнажая белоснежные зубы, а губы выпускают наружу слова.

– Да, да испытаний, – строго проговорил он.

Я подняла голову, глянула в его ставшие серьезными глаза, поняла, что про испытания он не шутит, и решительно выпалила:

– Не боюсь!

Он укоризненно покачал головой:

– В глубине души вы боитесь. Однако не хотите признаваться.

– Я не боюсь! – почти выкрикнула я.

– Не боитесь сейчас, пока я рядом с вами, – очень спокойно произнес он, глядя в голубое небо. – Но наступит время, когда вам придется одной подняться по этой лестнице. Я привел вас сюда, чтобы вы поняли простую истину: тьма неизменно отступает перед светом. Всегда есть надежда на спасение. Всегда есть выбор: идти вперед к свету или остаться на месте, опустив руки, поддавшись отчаянию, меланхолии, обиде. Не многие смельчаки решаются покорить горные вершины. А тот, кто поднялся на самую высшую точку, постигает простую истину: за счастье надо бороться.

Но его не следует искать слишком далеко, потому что оно может быть в легком дуновении ветерка, в пении птиц, в радостной улыбке близкого человека, в дружеском рукопожатии, в любви и участии, в осознании того, что ты хоть раз в жизни сделал доброе дело от чистого сердца.

Конечно, добрые дела надо делать постоянно. Но для большинства людей и одно доброе дело – это уже подвиг.

Вы задавали себе вопросы: зачем мы живем? Почему нам суждены страдания и мучения? В чем заключается смысл жизни? Какова формула счастья?

Я утвердительно закивала головой, потому что все эти вопросы давно мучили меня. Я приготовилась внимательно выслушать ответы, но он только глубоко вздохнул и отвернул голову к небесному проему.

– Вы не дадите мне ответов? – удивилась я.

– Каждый человек должен ответить на все эти вопросы самостоятельно, – еле слышно проговорил он и шагнул вперед, в небо.

Я вскрикнула и прижала обе ладони к лицу. Было страшно глянуть вниз и увидеть его, лежащим в странной нечеловеческой позе. Я почувствовала, как слезы холодными струйками побежали по щекам, останавливаясь в уголках рта. Я убрала ладони от глаз, чтобы вытереть соленую влагу и ахнула. Мой незнакомец шел по ромашковому полю неспешной походкой, заложив руки за спину.

Мне захотелось поскорее догнать его, чтобы снова быть рядом, ощущая странную связь на уровне подсознания. Я рванулась вниз по лестнице с радостным криком: «Подождите!» и вдруг поняла, что не знаю его имени.

Я опустила на холодную ступеньку и заплакала, по-настоящему ощутив свое одиночество и беспомощность. Надо было что-то делать, принимать какое-то решение: идти вниз по темной лестнице или шагнуть в светлый проем прямо в небо, как это сделал незнакомец. Надо было сделать выбор. Я вытерла слезы, медленно поднялась и посмотрела туда, где несколько минут назад в светлом проеме стоял он. Но проем исчез. Впереди была только темная лестница, слегка освещенная тусклым, мерцающим светом. Я глянула вниз. Там была темнота густая, вязкая, пугающая. Она замерла, как замирают растения-ловушки, чтобы потом захлопнуться, сомкнуть свои хищные соцветия над головой ничего не подозреваю-

щих насекомых. Я прижалась спиной к холодной стене и медленно стала подниматься вверх. Темнота последовала за мной.

– Вы должны были объяснить, зачем мне все это надо? – сердито выкрикнула я в пустоту.

– Я же вам сказал, что вы будете искать ответы на свои вопросы сами, без меня, – услышала я его голос и почувствовала успокоение.

– Вы где? Почему вы так поспешно ушли? – шепотом спросила я.

– Я здесь, рядом с вами, – сказал его улыбающийся голос. Я машинально улыбнулась в ответ. – Я не оставлял вас. Я всегда буду рядом. Всегда. Главное, ничего не следует бояться. Вы же уверяли меня, что не боитесь испытаний. Или я ослышался?

Я прикусила губу. Что тут было отвечать? Если бы я призналась, что боюсь, он бы ни за что не оставил меня одну. Но мне понадобилось сказать, что я самая, самая, самая смелая девушка на планете Земля. Как мы бываем порою глупы!

– Я буду рядом всегда, – снова зазвучал его голос. – Только вам следует запомнить: за все в жизни приходится платить.

Плата эта исчисляется не денежным эквивалентом. Все гораздо сложнее и имеет глубокий философский смысл. Смысл – это первое понятие, которое надо постичь. Вам предстоит ответить на вопросы: почему, зачем, для чего я делаю то или иное дело? Кому будет хорошо: только мне или другим?

– А почему надо всегда думать о других? С какой стати? – возмущенно выпалила я.

– Идите вперед, и все поймете, – его голос прозвучал отдаленным эхом. – Потом... все поймете...

2

Оля вскочила с постели за пять минут до будильника. Солнце уже светило вовсю. Птицы весело щебетали свои утренние песни. Оля широко распахнула створки окна. В ноздри ударил сладкий запах сирени.

– Обожаю весну! Обожаю май! Я самая, самая, самая счастливая на свете, слышите вы, птицы? – громко закричала Оля, задрав вверх голову.

– Ты что раскричалась с утра пораньше? – в приоткрытую дверь просунулась голова Олиной мамы.

– Привет, мамуля! – Оля втянула маму в комнату и начала кружить. – Ты у меня самая, самая, самая лучшая мама на свете. И об этом должен знать весь мир...

Оля поцеловала маму и повернулась к окну, чтобы выкрикнуть еще что-то гениальное. Но мама строго сказала:

– Ты видно забыла, милая девочка, что сегодня выходной и многие люди еще спят в такую рань. Надо научиться думать о других...

– О... – застонала Оля. – Начинаются утренние нравоучения. Вот скажи мне, милая мамочка, почему я должна думать о других, когда эти другие о нас с тобой совершенно не думают? Вот вчера вечером пацаны горланили под окнами, как помоечные коты...

– Стоп, – строго сказала мама. – Ты прекрасно знаешь, что я не люблю, когда ты говоришь глупости. Ты так же прекрасно знаешь, что каждый отвечает за свои поступки, за свои слова и даже мысли. Я всегда требую от тебя чуткого отношения к тем, кто рядом. Поэтому не стоит тебе уподобляться помоечным пацанам. Одевайся и больше не ори. Мне совершенно не хочется за тебя краснеть. Поняла?

– Поняла, милая мамочка, – ответила Оля и поспешила в ванную комнату. Там она закрылась, пустила воду и запела:

– Ну и что, ну и пусть, а я все равно буду петь. Потому что я люблю весну. Потому что я люблю сирень. Потому что я самая, самая, самая счастливая...

– Потихонечко, все еще спят, – постучав в дверь, укоризненно проговорила мама.

Оля подмигнула своему отражению в зеркале и весело сказала:

– Подумаешь, все спят. Я же не сплю. Я уже поднялась. И мне нет никакого дела ни до кого. Верно, Оленька? – отражение улыбнулось ей в ответ, словно подтвердив, что ему тоже никакого дела нет ни до кого.

На Беговой Оля встречалась со своей верной подругой Иришкой. Девушки приветствовали друг друга радостными криками, а потом, взявшись за руки, шагали к ипподрому. Они громко смеялись, пели на ходу придуманные песни: «Люди, люди, уже утро. Люди, люди, хватит спать. Люди, люди, просыпайтесь. Люди, вам пора вставать!» Стучали палками по водосточным трубам, выкрикивая: «С добрым утром, дорогие москвичи!» Такой ритуал повторялся каждую неделю по выходным.

Неизменно из одного и того же окна высывалось сморщенное, старческое лицо, и в свежем воздухе повисала тяжелая, грубая брань. Но повисала она ненадолго. Девчонки быстро пробегали мимо грязного окна, желая долгих лет жизни сморщенному существу, не зная, женщина это или мужчина. По голосу было весьма сложно понять. А разглядывать старческую голову не было у них никакого желания. Сморщенное, старческое лицо, высывающееся из грязного окна, являлось частью повседневной картины, к которой девчонки успели привыкнуть. Как люди, которые, проходя по одной и той же улице, привыкают видеть дома, деревья, фонари, но вряд ли остановятся, чтобы рассмотреть каждое дерево, каждый фонарь, каждую лужу.

Вот и для девчонок все было до банальности привычно: улица, старческий крик, веселый смех, трамвайные звонки, запах ипподрома и дядя Коля, встречающий их у ворот. Казалось, так будет всегда...

– О, твой Ален Делон нас уже поджидает, – подтолкнув Олю вперед, хихикнула Иришка.

– Он вовсе не Делон, а всего лишь Николай Всеволодович, – проговорила Оля и покраснела. Она всегда краснела, когда встречалась с дядей Колей, высоким, худощавым, черноволосым мужчиной с большими карими глазами, украшенными пушистыми длинными ресницами. А краснела Оля, потому что никак не могла забыть смешной случай из своего детства.

Дядя Коля – Николай Всеволодович – приходился двоюродным братом ее маме Инне Петровне. Каждое лето он вместе с женой тетей Люсей гостил у сестры Инны в деревне, где в старом бабушкином доме собирались многочисленные родственники, друзья и просто знакомые.

Однажды дядя Коля привез Оле большую куклу и поцеловал в щеку.

– Спасибо! – счастливо прошептала она, а потом, взяла дядю Колю за руку и громко сказала:

– Когда я вырасту, вы станете моим мужем!

Взрослые дружно расхохотались. Оля обвела смеющихся долгим, презрительным взглядом и спокойно, выговаривая каждое слово, произнесла:

– Смешного здесь ничего нет, товарищи. Пройдет лет десять, и я стану необыкновенной красавицей. Тогда всем будет ясно, что толстая, неряшливая тетя Люся совсем не пара такому красавчику, как наш дядя Коля.

– Чтооооо? – как моторный гудок завопила тетя Люся. – Ах ты, маленькая негодяйка! Да я тебя сейчас так отшлепаю крапивой, а потом скручу в бараний рог, что ты никогда не

сможешь вырасти и стать красавицей. Ты навсегда останешься глупой, негодной соплячкой, которую никто замуж не возьмет...

Тетя Люся еще что-то кричала. Но Оля не стала дожидаться, пока ее отшлепают крапивой. Она показала грозной тете язык и быстро убежала в лес. Лес действовал на Олю успокаивающе. Успокоить же тетю Люсю не мог никто. Она приказала мужу немедленно собирать вещи, которые к счастью не успели распаковать.

– Ноги моей здесь не будет больше, – голосила тетя Люся. – Ноги не будет.

Больше Оля никогда не видела толстую тетю Люсю. Она теперь отдыхала на югах, не подозревая, что, несмотря на ее строгий запрет, Николай все же продолжает бывать у сестры Инны Петровны в старом доме, который после смерти бабушки поделили между собой Инна Петровна и Тамара Петровна. Причем Тамарина половина дома пустовала, в то время как на половине Инны всегда было многолюдно и весело.

Сколько раз просила Инна у Тамары отдать ей вторую половину.

– У тебя же свой дом большой есть, за которым догляд нужен. Тебе же родительский дом в тягость. А он ветшает без человеческого присутствия, – вздыхала Инна, беседуя с Тамарой.

– Ничего с ним не будет, – отмахивалась Тамара. – Пусть стоит закрытый. Моя половина, что хочу, то и делаю. Сын вот вырастет, ему отдам. Будет с молодой женой да детишками жить в этой половине.

– Да, зачем ему здесь в деревне жить? – хваталась за голову Инна. – Воды нет. Отопления нет. Туалет на улице. Да разве кто из молодых захочет от нормальных условий отказываться и в умирающий дом перебираться?

– Вот прикажу, и переберутся, как миленькие! – топала ногами Тамара. – Нечего на мою половину зариться. Никому не отдам и баста!

Разговоры прекратились. Тамарина половина стояла закрытая. Ночью ветер гудел в трубе. Скрипели половицы, рассыхающегося пола. Дом стонал, жаловался на то, что остался без догляда, что умирает от тоски и одиночества. Но помочь ему никто не мог, кроме Тамары. А она не хотела помогать.

Изредка приезжал Тамарин муж Петр. Он распахивал настежь окна и двери, приглашая ветер и солнце заглянуть внутрь. И тогда из открытых окон вырывался запах прелой древесины, старого тряпья и тлена. Ко всем этим запахам примешивался какой-то незнакомый запах. Он пугал Олю сильнее, чем ночные скрипы половиц, уханье сов и гудение ветра в трубе. Она затыкала нос и убегала прочь, подальше от неприятного запаха.

Став взрослой, Оля поняла, что этот отвратительный запах, который так пугал ее, был запахом смерти. Одного Оля не могла объяснить, почему он не выветривался с Тамариной половины. Может, объяснение скрывалось в Тамариной жадности и злости. Ведь она забрала себе большую часть дома с огромной гостиной, где стоял стол на двадцать персон, который бабушка любовно называла «сороконожкой», поясняя, что если над столом двадцать голов, то под столом сорок ног. Оля неизменно ныряла под стол и считала.

– Бабуль, а столовые ножки тоже считаются? – интересовалась она снизу из заветного подстоля.

– Нет, только человеческие ножки считай, – приказывала бабуля.

Оля считала человеческие, потому что у стола вообще не было ног, а столешницу овальной формы, сделанную из редкой породы красного дерева, поддерживали четыре массивных льва с рыбьими хвостами вместо туловищ.

Бабушка рассказывала, что этот стол привезли из-за океана. Что принадлежал он какому-то богатому князю или графу, инициалы которого имеются в самом центре стола.

Улучив минутку, Оля просовывала руку под скатерть и водила пальцами по большим, незнакомым буквам – инициалам, которые ей представлялись шрамами на теле бедного стола.

– Взрослым, наверное, стыдно за твои шрамы, бедный стол-сороконожка, поэтому они прикрывают тебя скатертью, – тихо шептала Оля, водя пальцами по невидимым буквам.

Когда умерла бабушка, гроб поставили на стол, сняв с него цветастую скатерть, тогда Оля впервые увидела буквы, которые красовались в самом центре – SGM. Она аккуратно провела пальцами по каждой букве, отметив для себя, что «S» похожа на змею, «G» – на улитку, а «M» – на две горные вершины, где вечное молчание.

– Или нет, – думала Оля, – эти буквы означают одинокого человека, бредущего извилистой дорогой в страну молчания.

Что же на самом деле означали эти буквы-инициалы, для нее так и осталось тайной.

Бабушкин гроб стоял на овальном столе. Маленький на большом.

В изголовье горели церковные свечи. А по бокам сидели сгорбленные старушки, одетые во все черное, пели заунывные песни, причитали и плакали.

– Так положено. Они ее душу провожают туда, куда надо, – цыкнула Тамара, когда ее сын Василий спросил: «Зачем все это надо?»

– А куда душе надо? – пискнула Оленька, высунувшись из-за Васиного плеча.

– Помрешь, узнаешь. Нечего глупые вопросы задавать да под ногами вертеться. Идите вон в детскую комнату и не высовывайтесь, – приказала Тамара. – Не до вас.

Оленька и Василий отправились в детскую, забрались на кровать, прижались друг к другу, немного поплакали, а потом принялись шептаться.

– Все зеркала тканью закрыли, чтобы никто не увидел того, чего не следует никому видеть, – вытерев нос кулаком, сказал Василий.

– А что там? – поинтересовалась Оленька.

– Мамка говорит, что в зеркалах открывается проход в бездну, – пояснил Василий. Он был на три года старше Оленьки, ходил уже во второй класс и кое-что знал.

– А давай попробуем заглянуть в эту бездну, – предложила Оленька.

– Ты что, белены объелась? Или умереть, как бабуля, захотела? – зашипел на нее Василий. – Сиди тут на кровати рядом со мной. Да смотри, не вздумай спать. Когда покойник в доме, спать нельзя. С собой утащит, если уснешь.

Оленька тяжело вздохнула. Ей стало обидно, что Василий про бабулю так нехорошо сказал: «покойник». Совсем не хотелось девочке верить, что теперь вместо бабушки останется лишь запах формалина, ладана и свечей.

Как ни старались дети не спать, сон все-таки сморил их. Но, несмотря на все страшные Васиные рассказы, во сне Оле совсем не было страшно. Наоборот. Сон был веселым и радостным. Бабушка варила клубничное варенье в своем любимом медном тазу. В саду заливались соловьи. А на белом с золотым ободком блюдечке лежала громадная клубничина, налитая сладким сахарным сиропом. Алый сироп растекался по блюдцу, окружая большую клубничину со всех сторон.

– Нет, это же не клубника, – подумалось Оле. – Это сердце, которое бьется, которое живет на белом фарфоровом блюдечке с золотым ободком...

В шесть лет Оля поняла, что у всего есть начало и конец. А о том, куда уходят души, знают зеркала, но никому не рассказывают, потому что говорить не умеют.

На Тамариной половине зеркала так и остались завешенными плотной тканью. И запах, страшный запах смерти остался, как напоминание.

Глядя на тетю Тамару, Оленька постоянно вспоминала сердце, бьющееся на фарфоровом блюдце, и делала грустные выводы, что блюдце не станет живым никогда, сколько бы

сердец на него не положили. Это знание было болезненным. Оленьке очень хотелось ничего не знать, а как прежде любить брата Ваську, слушать его страшные сказки, играть с ним в веселые игры, ходить на рыбалку и по грибы. А еще хотелось прижиматься к тете Тамаре, как раньше и ждать, когда она положит на фарфоровое блюдо большую, сладкую клубничину сначала маленькой девочке Оленьке, а потом большому мальчику Василию. И они с Васей будут облизывать свои ягоды долго-долго, растягивая удовольствие от сладкого послевкусия, которое остается во рту.

После бабушкиной смерти все пошло прахом. Дом умирал. Василий стал злым и не хотел больше играть с Олей.

– Вот еще выдумала, играть. Не до игр мне, – бубнил он. – Мамка говорит, что за новым домом догляд нужен. Ничего оставить нельзя. Ворье кругом только и ждет, что бы стянуть, чем бы поживиться за чужой счет.

– О ком ты говоришь, Вася? Что это такое – ворье? – удивлялась Оля.

– Эх ты, деревня, – злобно хохотал Василий. – Ворье – это значит вору. Куда не глянь, одни вору. Мамка тут как-то половик на забор повесила, так его стащили среди бела дня. А ты говоришь!

Оля ничего не говорила. Ей было обидно, что Васька изменился, что дом поделили, и он теперь умирает, что Тамара варенье перестала варить. А у мамы так не получается, потому что она крупные ягоды на варенье не берет, а заставляет Олю съедать их живьем, прямо с грядки.

Оля часто убегала на опушку леса и плакала, уткнувшись в мягкую траву, повторяя: «Почему? Почему? Почему?» Но никто не отвечал.

Однажды кто-то тронул Олю за плечо и тихо спросил:

– Кто тебя обидел, малышка? Почему ты так горько плачешь?

– Никто меня не обижал, это мне соринка в глаз попала, – вытирая слезы, сказала Оля. Она глянула исподлобья на незнакомого дяденьку и спросила:

– А вы кто?

– Я дядя Коля, – улыбнулся он.

– Тогда я тетя Оля, – ответила она.

– Замечательно! Давай с тобой дружить, тетя Оля, – он протянул ей руку. Она немного помедлила, поднялась, а потом, хлопнув его по руке, стрелой полетела прочь, звонко крикнув: «Догоняй, дядя Коля!»

Вот так началась их дружба. Теперь они везде ходили вместе. На рыбалку, по грибы да ягоды, слушать соловьев, встречать рассвет, печь картошку, смотреть, как засыпает и пробуждается лес. Мысль о том, что дядя Коля тот, кто ей нужен, пришла к Оле как-то вдруг. В свои восемь лет она еще не понимала, что такое супружеские узы, но была убеждена, что толстая тетя Люся совсем не пара дяде Коле. Вот и выпалила про мужа и про все остальное, не думая о последствиях.

Гораздо позже Оля поняла, что взрослые совсем не любят слышать правду, а говорят правду и того реже. Весь мир пропитан ложью, сладкой кроваво-красной ложью, разлитой на белом фарфоровом блюде.

– Привет, девчонки! – проговорил Николай Всеволодович, поцеловав Олю в щеку. – Сегодня я вас познакомлю с Максимом. Он вам даст верховых лошадей.

– Вы не шутите, дядя Коля?

– Нет, милая моя, не шучу, – засмеялся дядя Коля. А потом, хитро подмигнув Оле, спросил:

– Ну, что, тетя Оля, не передумала сделать меня своим мужем?

– Передумала. Я тогда маленькая была, глупая. Не подумала, что через десять лет состарится не только тетя Люся, но и вы. Еще я не учла разницу в возрасте, которая составляет двадцать пять лет. Но самое основное препятствие – это то, что мы родственники. Поэтому знакомьте нас скорее с Максом, – выпалила Оля, не глядя дяде Коле в глаза.

Она по-прежнему продолжала любить его той детской любовью, когда нет никакого стеснения и можно запросто забраться на колени, взлохматить волосы, ущипнуть за щеку, а потом затихнуть, свернувшись маленьким котенком и блаженно замурлыкать, чувствуя свою защищенность в объятиях сильного мужчины. Но разве об этом можно говорить вслух теперь, когда ей уже двадцать? Нет. Она ни за что не откроет свой секрет, чтобы не попасть в липкую кроваво-красную жижу на фарфоровом блюде.

Максим оказался грузным, лысоватым толстяком похожим на Винни-Пуха. Он расхаживал по конюшне и напевал веселую песенку.

– Привет, Макс, – громко крикнул дядя Коля. – Я привел к тебе своих девчонок, как договаривались.

– Вот и славно, – пробасил Максим. – Мне помощники очень нужны. Привет, девчонки! Берите скорее ведерки, да лопатки и вперед, стойла чистить.

– Что? – в голос завопили Ира и Оля. Такого они не ожидали.

– Навоз убирать, значит, не хотите? – рявкнул Макс.

– Не хотим.

– Значит, кататься мы любим, а саночки пусть дядя Макс возит, так что ли? Не выйдет, кумушки, не на того напали. – Он сделал несколько шагов вперед.

– Но мы... Мы не одеты для навоза... для конюшни... мы... – наперебой затараторили девчонки, пятась назад.

– Ладно, – засмеялся Макс. – На первый раз прощается. Но завтра...

– Разумеется! Нам дважды повторять не надо, мы девочки умные, – выпалила Иришка.

Максим, Макс очаровал девчонок потрясающим умением рассказывать необыкновенные истории. Он знал о лошадях столько, что его можно было слушать часами. Начинал он свои рассказы всегда одними и теми же словами: «Значит, дело было так», а дальше следовали повествования, одно интереснее другого, где правда переплеталась с вымыслом в единый, причудливый сюжет. Девчонки слушали, затаив дыхание.

– Значит, дело было так. Полюбился Богу южный ветер. И решил Он сотворить из ветра живое существо. «Воплотись!» – повелел Бог. И по Его слову возникла на земле первая лошадь, способная преодолевать огромные расстояния.

Выносливых, красивых, быстроногих жеребцов увидели бедуины и решили приручить. Так появилась порода арабских скакунов способных выдерживать дальние переходы по пустыне и участвовать в стремительных военных набегах, – Таинственным тоном поведал Макс.

Потом выносливыми красавцами заинтересовались англичане. Три арабских жеребца, привезенных в Англию в XVII–XVIII веках, и стали родоначальниками всех лошадей английской, чистокровной верховой породы! – Макс поднял вверх указательный палец и, хитро прищурившись, спросил:

– А знаете ли вы, что лошади арабской породы отличаются от простых лошадей настолько же, насколько сказочные принцы и принцессы, от простолюдинов?! – И, не дождавшись ответа, продолжил: – шея у скакунов тонкая и длинная, словно их скрестили с лохнесским чудовищем, а широкоскулые лошадиные морды так сильно сужаются к пасти, что лошади могут пить воду даже из чайной чашки.

Во время движения арабские скакуны высоко задирают хвосты и по-лебединому изгибают тонкие шеи, с гордо поднятыми точеными головами. Поступь у них такая элегантная,

словно они летят по воздуху. Кажется, что мерно поднимающаяся и опускающаяся под тобой спина принадлежит не лошади, а огромной птице, летящей над миром. И, если расслабиться, то можно «пить ветер» вместе со скакуном.

Недаром лошадей арабской породы в легендах называют «пьющими ветер»! Благодаря мощной трахее и «горделивой осанке», скакуны легко вдыхают воздух, поэтому-то и создается впечатление, что они «пьют ветер». У арабских жеребцов должны быть сильные ноги, тренированные мускулы и короткие кости. Рост же лошади мало влияет на ее силу.

Возьмите, к примеру, нашего арабского жеребца Горацио. Им невозможно не любоваться. Как грациозны его движения, когда он пробегает неспешной рысцой по свежевзрыхленной дорожке ипподрома. А, когда он начинает крутиться вокруг своей оси, неподвижно зафиксировав на месте одну ногу, то становится похожим на балерину, танцующую фуэте. Потом, повинувшись каким-то непонятным приказам, Горацио начинает скакать по замысловатым кривым, или вдруг замирает, зарыв передние копыта в землю.

Девчонки были полностью согласны с Максом, потому что каждое утро восхищались замысловатыми фуэте, которые совершал Горацио. Казалось, что конь самостоятельно разучивает танец, а люди нужны ему, в качестве зрителей.

– Браво! – кричали девчонки.

Горацио замирал на миг, а потом начинал крутиться на месте или мчался галопом по замысловатым спиралям, продолжая разучивать свой танец.

Но если необыкновенный танцевальный марафон могли наблюдать все желающие, то увидеть рождение жеребенка, предоставлялось не каждому. Лошади обычно жеребятся по ночам и часто роды не начинаются до тех пор, пока кобыла не останется в полном одиночестве. Поэтому перед родами кобылы Дарины в конюшне был установлен специальный монитор, на котором можно было видеть все происходящее.

Макс разрешил девчонкам быть поблизости и наблюдать вместе с ним, когда начнутся роды. Минуты ожидания тянулись неимоверно долго. Все сидели молча, уставившись в экран. Вдруг из-под хвоста кобылы показалось обтянутое пленкой копытце. Кобыла – Дарима – сделала шаг, копытце вздрогнуло, и наружу вывалилась тонкая передняя ножка. В конюшне поднялась суматоха. Если Дарима не разродится за двадцать минут, то и она и жеребенок могут погибнуть. Макс и еще несколько человек бросились помогать кобыле. А девчонки молча сидели в комнате и не могли оторвать глаз от монитора.

Наконец-то раздался хлюпающий звук, и маленькое живое существо соскользнуло в объятия Макса. Макс аккуратно опустил жеребенка на пол и замер. Жеребенок несколько минут лежал без движения, словно адаптируясь к новым условиям, а потом без труда поднялся и, пошатываясь, сделал несколько неуверенных шагов.

– Смотри, он похож на большую лошадь, но только зачем-то поставленную на ходули, – прошептала Ира, вытирая слезы умиления и радости.

– Подумать только, спустя несколько месяцев ноги будут служить ему не хуже крыльев, и он научится пить ветер, – сжимая Ирину руку, отозвалась Оля.

Появление маленького, трогательного жеребенка Нуно стало важным событием в жизни девчонок. Они повзрослели. И обе, как-то вдруг поняли, что дарить радость другим – это очень здорово. Это даже намного приятнее, чем ждать подарков для себя.

Девчонки перестали по утрам кричать во все горло. Они теперь разговаривали спокойными, тихими голосами. А для сморщенного, старческого лица, которое неизменно появлялось из окна, девчонки приносили яблоки, конфеты, баранки. Лицо недоуменно морщилось, потом молча высовывалась из окна старая дырявая авоська на веревочке. Авоська, нервно подрагивая, медленно опускалась вниз, а потом молниеносно взмывала вверх. Лицо издавало радостный возглас: «Э-эх!» – и исчезало за грязными стеклами.

Жизнь шла размеренно и привычно, словно трамвай по рельсам. Ранний подъем, шестичасовой рабочий день в лаборатории института Гидропроект, вечерние прогулки по Москве, сон, подъем...

Осень началась как-то вдруг. За одну ночь пожелтели все деревья на Беговой. Ветер срывал золотую листву и швырял под ноги прохожим. На трамвайных путях появились надписи: «Осторожно, листопад!»

Оля с Ирой стучали каблучками по тротуару и нараспев декламировали стихи:

Осень сыплет нам с тобою золото под ноги,
Разноцветным покрывалом устланы дороги,
В тонкой нити паутины солнца луч сверкает,
И от музыки нездешней сердце замирает.

Девчонки спешили в конюшню к своему любимцу – Нуно, который стал совсем большим красивым жеребцом. В нем не было уже ничего от смешного головастика на ходулях. Но все равно, глядя на Нуно, Оленька вспоминала ночь его рождения, и трогательный восторг разливался по всем клеточкам ее тела.

Однажды утром Макс заговорщическим тоном сообщил девчонкам:

– А у нас пополнение. Полюбуйтесь скорее – это Чезаре – редчайший андалузский жеребец.

Эффектный светлой масти конь с сильной мускулистой шеей глянул на девчонок своими темными выразительными глазами и тряхнул головой.

– Ах, какой же ты красавец, Чезаре! – восхищенно выдохнула Оля.

А Макс обнял девчонок за плечи и поведал о том, что латинский стиль выездки появился в тысяча пятисотых годах на юге Европы. Корни Латинской школы уходят в крито-микенскую цивилизацию к древним римлянам, берберам и неаполитанцам, хранившим свои методы подготовки боевых лошадей в строжайшем секрете. Позднее латинскую школу выездки переняли французские аристократы, готовившие эффектные конные представления для балов. Именно они заметили, что Латинская школа – это, скорее, конный балет. Хотя изначально лошадей и всадников готовили для сражений с неповоротливыми тяжело вооруженными рыцарями.

Основная же особенность лошадей Латинской школы в том, что центр тяжести животного смещен на задние ноги. Это дает дополнительную свободу передним ногам и корпусу лошади, позволяя всаднику без видимых усилий менять аллюры и выполнять сложные маневры.

Лошади, обученные по латинской школе, способны выполнять почти все элементы высшей школы на вожжах, то есть когда человек не сидит верхом, а идет рядом или позади, держа поводья. Со стороны кажется, что лошадь сама танцует под музыку, исполняя сложные пиаффе, пассажи и прыжки, – закончил свой рассказ Макс.

Позади кто-то громко захлопал в ладоши. Максим резко обернулся и с радостным криком: «Александр!» бросился сжимать в объятиях высокого, крепко сложенного юношу.

Девчонки принялись внимательно разглядывать того, кого называли Александром. Загорелое широкоскулое лицо обрамляли темно-русые, аккуратно подстриженные волнистые волосы. В больших карих глазах светились озорные огоньки. Темным пушистым бровям и длинным ресницам могла позавидовать любая модница. Нос у Александра был прямой со слегка расширенными ноздрями, губы пухлыми ярко-красными, словно их подкрасили.

А вот темно-коричневый кримпленовый костюм Александра, сшитый, наверное, при царе Горохе, вызвал у девчонок приступ смеха.

– У него и ботинки клоунские, – хихикнула Ирина.

Александр повернулся к смеющимся девчонкам и строго проговорил:

– Ну и что из того?

Оля почувствовала, что лишилась точки опоры, земля ушла у нее из-под ног. Два шага, разделяющие их с Александром, она прошла по воздуху. Прошла, чтобы дотронуться до его руки и сказать, глядя в его огромные карие глаза:

– Вы скоро станете моим мужем!

– Что? – переспросил Александр, удивленно подняв брови.

– Вы бу-де-те мо-им му-же-м! – повторила Оля чуть громче.

Александр расхохотался. Лицо Макса то же расплылось в улыбке. А Ира, сильно дернув Олю за руку, зашипела:

– Ты что, Ольга, рехнулась? Он же бродяга, первый встречный, а ты сразу...

– Милая девушка, – все еще продолжая смеяться, проговорил Александр, – вы на себя в зеркало смотрели?

– И не один раз, – ответила Оля, ничуть не смутившись. Она смотрела в его карие смеющиеся глаза и видела в них свое отражение. Маленькая, худенькая с двумя тонкими косичками. Самая обыкновенная девчонка, каких миллионы.

– Значит, вы плохо на себя смотрели, – Александр сощурил свои большие глаза, и Оля увидела, как ее отражение стало похоже на булавочную головку.

– В вас, милая девушка, нет ничего особенного. Вы – обычная серенькая мышка...

– Нет! – возразила Оля. – Я – Золушка! Или гадкий утенок, если хотите, который...

– Мне не интересно, понимаете? – Александр стал серьезным.

– Нет, не понимаю, – ответила Оля, продолжая смотреть в его глаза.

– Вы мне не нравитесь. Совсем не нравитесь. Мало того, вы у меня вызываете неприязнь. Я все понятно объяснил? – она отрицательно помотала головой.

Александр рассердился не на шутку. Время, которое он собирался провести с Максом, приходилось тратить на какую-то безумную девчонку.

– Девушка, вы несете бред, на который я не желаю тратить свое драгоценное время. Прощайте.

Александр повернулся, собираясь уйти. Но Оля тронула его за рукав и, улыбнувшись, спокойно проговорила:

– Знаете что, Александр, я вам докажу, что внешность – это не самое главное человеческое достоинство. Главное – это душа. Поверьте, я не собираюсь проситься к вам в постель, я просто думала, что нам есть о чем сказать друг другу.

– Нам? – Александр резко развернулся. – Да я вас вижу в первый и, надеюсь, в последний раз, милочка...

– Вы меня уже видели там, на лестнице, – улыбнулась Оля.

– На какой лестнице? – опешил Александр.

– Мы шли с вами по темной лестнице вверх. Вы прижимали мою руку к своему боку... – чуть прикрыв глаза, проговорила Оля.

– Может, вы еще скажете, что беременны от моего взгляда?

– Пока нет, – улыбнулась она. – Но у нас с вами обязательно будут дети.

– Ну, хорошо. Пусть будет по-вашему. Но знаете ли вы, милочка, что я дал себе слово жениться только на... – Александр начал на ходу придумывать профессию своей будущей жены. Ему хотелось выбрать что-нибудь такое, чтобы эта навязчивая девчонка замолчала раз и навсегда. Но в голове вертелись только Французская да Английская королевы, а в старом папином костюме он себя королем не чувствовал, поэтому следовало выбрать что-то более приземленное.

– А почему, приземленное? – подумал Александр и, скрестив руки на груди, сказал:

– Я непременно женюсь на стюардессе!

– Замечательно! – захлопала в ладоши Оля.

– Что замечательно? – передразнил ее Александр.

– А то, что я самая настоящая стюардесса и есть! – Оля показала ему язык и скрестила руки на груди.

– Ты? – Александр побледнел и сделал несколько шагов назад.

– Да! Я настоящая стюардесса! – Оля стояла перед ним, высоко подняв голову, и улыбалась.

– А что же в таком случае, моя крошка, ты делаешь здесь, на конюшне?

– Жду тебя, Сашенька, – прошептала Оля. – А вот бороду ты зря сбрил. Она тебе очень шла.

Оля сделала несколько шагов вперед и погладила Александра по щеке. Он перехватил ее руку и строго сказал:

– Во-первых, бороды у меня никогда не было. А во-вторых, в Москве проживает восемнадцать миллионов человек. Большая часть населения – представительницы слабого пола. Каждая будет лезть из кожи вон, чтобы мне понравиться. Но при этом каждая из них не будет той – единственной, которая нужна именно мне. Зарубите себе на носу: я мужчина! Поэтому я буду решать сам, кого мне выбрать из миллионов. У вас же, милая, нет никаких шансов. Ясно?

– Пусть так, но вы должны запомнить, что меня зовут Ольга, Оленька, Оля. И еще: лучше меня вы никого не найдете среди ваших миллионов, потому что я именно та единственная, которая вам нужна. И еще, поэт Василий Федоров очень умно заметил:

Ах, как нам часто кажется в душе,
Что мы, мужчины, властвуем, решаем.
Нет, только тех мы женщин выбираем,
Которые нас выбрали уже!

Прощайте. Мне пора. Лечу, понимаете ли, в жаркие страны.

Оля вырвала свою маленькую руку из его большой руки и быстро пошла прочь.

– Ольга, ты совсем с ума сошла или наполовину? – возмущенно заговорила Ирина, когда они вышли за ворота ипподрома. Оля ничего не ответила.

– Зачем ты на этого Александра напала? Заладила, как попугай: «Замуж, замуж... Я самая-самая. Мы с вами на темной лестнице... Вам так борода шла...» Тьфу. Слушать было противно. – Оля молчала. – Зачем тебе надо было нести весь этот бред про стюардессу? Ты же сидишь в лаборатории бумажки переключиваешь. В институт с горем пополам поступила. Какая ты к черту стюардесса? Да ты хоть раз живую стюардессу видела?

– Живую нет, мертвую видела, – зло ответила Оля.

– Дура.

– Возможно. Но, понимаешь ли, Ириша, у меня вдруг возник азарт. Мне захотелось доказать этому пижону в старом кримпленовом костюме, что я самая...

– Верещагина Ольга, я тебя не узнаю. Опомнись. На дворе осень, а не весна. Надо к спячке готовиться, а не с ума от любви сходить.

– Рано нам о спячке думать, Ирка. Надо готовиться к бою, – Оля резко остановилась и скороговоркой выпалила:

– Поехали в Шереметьево в стюардессы поступать!

– Теперь я вижу, что ты основательно рехнулась, – сочувственно произнесла Ира и покрутила пальцем у виска. – Поезжай-ка ты на работу, успокойся и, будем считать, что сегодняшней встречи не было.

– Нет, Ирка, я поеду в стюардессы поступать, – упрямо мотнула головой Оля. – Ты со мной или нет?

– Нет. Я на работу, а вечером в институт. Между прочим, учебный год начался.

– Ну и пусть начался. Я больше в Архитектурном учиться не хочу, не мое это. Не интересно мне.

– Нельзя бросать то, что начала. Надо дела до конца доводить, – назидательным тоном сказала Ира.

– Умница ты моя, – Оля поцеловала подругу в щеку. – Вот я и буду доводить начатое до конца. Обязательно стану стюардессой, а Александр станет моим мужем. И я буду... ой, а как его фамилия?

– Буйвол-Кот какой-нибудь, – ехидно проговорила Ира.

– Пустяки. Главное, чтобы человек был хороший, – улыбнулась Оля.

– Вот именно, – Ира постучала Оле по лбу. – Надо сначала узнать, хороший он человек или нет, а потом про замужество речи вести. А ты сразу – вы будете мои мужем! Ольга, а вдруг он из тюрьмы? Вдруг он вор-рецидивист? – Ира сама испугалось собственных слов.

– Иришка, успокойся. Для волнения нет никаких причин, потому что я этого Александра уже видела. Мы вели философские беседы о смысле жизни...

– Когда это было, дорогая? – застонала Ира.

Оля задумалась. Действительно, когда все это было?

Когда же? Когда же?

Когда-то...

Когда-то давным-давно

В хрустальный бокал наливали

Вы мне дорогое вино.

Вы мне говорили о вечном,

О солнце и облаках,

О том, что нетленные души

Мы носим в бранных телах.

Тела эти пеплом иль прахом

Однажды на землю падут,

А души голубками белыми

На Божий отправятся суд.

Когда же, скажите, когда же

Мы с вами отправимся в путь?

Когда ж, наконец, мы узнаем,

В чем жизни земной нашей суть?

Когда же была их первая встреча с Александром? Оля не могла сказать точно. Мало того, она не была вполне уверена, что эта встреча вообще была. Скорее всего, это был сон, необычный, вещий сон. Иначе, как объяснить, что совпало все, кроме бороды. «Но борода вырастет», – подумала Оля и улыбнулась.

– Я все-таки догнала вас, мой незнакомец. А то, что вы шагнули с огромной высоты вниз, теперь имеет объяснение. Вы хотели, чтобы я стала стюардессой. Все встает на свои места: голубое небо, белые облака, самолет... Я непременно стану стюардессой! Я вас не разочарую. Я превращусь в лебедя, в бабочку, в цветок, в жеребенка Нуно... Нет. Я превращусь в самую лучшую женщину в мире, в самую нужную женщину в мире. Вот увидите. Вот увидите!

3

В аэропорту Шереметьево Оля разыскала отдел кадров службы бортпроводников. День был неприятный. В длинном коридоре было тихо. Оля долго переписывала со стенда о приеме на работу нужную информацию. А потом осмелилась заглянуть в кабинет с надписью: «Начальник Отдела кадров Службы бортпроводников», чтобы попросить анкету.

– Приема на работу нет и не будет! – строго выкрикнула пожилая дама, глянув на Олю поверх очков.

– Вообще нет или есть надежда? – тихо спросила Оля и подумала, что дама ведет себя так строго, чтобы оправдать должность начальника ОК. Наверное, быть строгими начальникам положено. Но тут же перед глазами возник образ Геннадия Борисовича – Геша – начальника отдела, в котором работала Оля. Геша был замечательным человеком, прекрасным организатором в меру строгим и очень рассудительным. Но в его подчинении работало всего двадцать человек. А строгая дама возглавляет ОК целой службы бортпроводников, в которой трудится людей в сто или даже тысячу раз больше, поэтому-то у нее такой вид. На самом же деле она – душка, как и Геннадий Борисович.

– Надежда есть всегда, – засмеялась дама, сразу став милой, доброй и очень симпатичной.

У Оли отлегло от сердца. Она не ошиблась. Строгая начальница ОК – просто душка!

– Сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Иностранный язык знаешь?

– В школе учила, – промямлила Оля.

– Значит, в анкете напишешь: читаю и перевожу со словарем, – пояснила дама.

Оля согласно кивнула. Хотя все ее познания в английском языке заключались в знании нескольких фраз, запомнившихся на всю жизнь.

А запомнились фразы только лишь потому, что учитель английского языка КВН – Корней Варфоломеевич Новиков – постоянно твердил их на протяжении шести учебных лет.

КВН стремительной походкой входил в класс, швырял на стол классный журнал и, оглядев всех учеников взглядом инспектора по делам несовершеннолетних, начинал урок.

– Good afternoon, dear children².

Причем это «dear children» звучало, как «разбойники-пираты».

– My name is Korney³ Варфоломеевич. Запомните: Вар, а не Вор. Слово «name» – имя по-английски пишется так: на-ме.

Он выводил на доске «NAME» и произносил: «на-ме». Все ученики хором повторяли: «наме». А после уроков придумывали веселые каламбуры:

– Вот из ё наме?

– Май наме из Вар, а не Вор.

² Добрый день, дорогие дети.

³ Меня зовут Корней.

Еще КВН любил наглядно объяснять значение предлогов: на, под, около, за. Он брал монетку, помещал ее в разные места и говорил, где она находится. Но самое большее удовольствие КВНу доставлял предлог «внутри». Учитель высоко поднимал монетку со словами: «This is the koreck»⁴. Произносилась фраза так, словно в руке была не обычная монета, а Корона Российской Империи, которую КВН собирается водрузить себе на голову. Но монета неизменно исчезала в кармане серого пиджака, сопровождаемая фразой: «I put the korek into my pocket»⁵.

– Вы поняли, dear children, что «into» – значит...

– В карман, – дружно вторил класс.

– Не в карман, а вовнутрь, dear children, – поправлял КВН. Dear children на этот раз означало – балбесы.

Оля улыбнулась, вспомнив стишок, который они сочинили:

Сенкью, плиз, гудбай, хелло.

Всем нам крупно повезло.

КВН копейку взял и в карман ее убрал.

Мы английский обожаем на уроках отвечаем,

Что живем в СССР. Наме Коля – пионер.

На столе лежит журнал...

Ван, ту, фри – таков финал

Финалом были поголовные тройки, поставленные КВНом только лишь потому, что всех dear children – мерзких детей, пора было выпускать из школы.

– Я ставлю вам всем незаслуженные отметки, dear children (тупицы), – постукивая карандашом по столу, говорил КВН, – потому что английский вы даже на колы не знаете.

Полученные знания у dear children выветрились через день после вручения аттестатов. А вот фразы про «наме и копек» прочно врезались в память.

Строгая начальница ОК вытащила из шкафа большой лист, сложенный вдвое, и протянула Оле со словами:

– Вот тебе анкета, но учти, что это ничего не значит. У нас тут люди годами ходят.

– Спасибо, – проговорила Оля, прижимая к груди заветный документ.

Она выбежала на улицу и звонко закричала: «Ура! Первый шаг сделан, а это уже много. Мно-го!», не обращая внимания на прохожих, которые удивленно оборачивались на странную девушку, скачущую на одной ножке.

Тогда Оля не представляла, сколько еще ей придется сделать шагов, сколько времени придется сидеть под дверью у кабинета начальника ОК и смотреть на надпись «Приема на работу нет». Сколько раз придется сравнивать строгую даму из ОК с милым Гешей, сколько раз будет возникать желание бросить все эти хождения по мукам и вернуться в свой отдел, вернуться к привычной, однообразной жизни. Такие желания неизменно пропадали, когда Оля видела счастливые лица тех, у кого документы все-таки приняли. Правда, видеть счастливых было невыносимо обидно, потому что их-то взяли, а ее, Олю, нет. Оля изо всех сил старалась держаться. Но однажды у нее сдали нервы, и она разрыдалась. Слезы катились и катились по щекам. И чем сильнее Оля хотела успокоиться, тем сильнее лились слезы.

– Что случилось, деточка? – погладив Олю по голове, спросила пожилая седовласая женщина. Ее, испещренное морщинами, лицо было необыкновенно добрым, а в глазах блестели зазорные огоньки.

⁴ Это копейка.

⁵ Я кладу копейку в свой карман.

– Рассказывай все, – приказала старушка, обняв Олю за плечи.

Оле показалось, что это ее ожившая бабушка – бабуля пришла утешить свою глупую внучку, которая ринулась неизвестно куда, неизвестно зачем.

Оля уткнулась старушке в плечо и выпалила все от начала до конца.

– Значит, он шагнул вниз с огромной высоты, а ты побежала его догонять? – с улыбкой спросила старушка, когда Оля вытерла кулачком остатки слез.

– Да. Он шел по полю неспешной походкой, – подтвердила Оля.

– И он дал себе слово, что женится только на стюардессе?

– Да.

– Ты его любишь?

Этот вопрос застал Олю врасплох. О любви она вообще не думала. Их встреча с Александром была неизбежным событием. Оля твердо знала: Александр должен стать ее мужем, именно он должен быть рядом с ней всегда, потому что он сам это ей пообещал там, на темной лестнице.

Старушка поднялась, погладила Олю по голове, улыбнулась и исчезла за дверью начальника ОК с надписью «Приема на работу нет». Оля тупо смотрела на надпись и думала, что давным-давно не была на ипподроме, давно не встречалась с Иришкой, забросила институт, работу, друзей из-за иллюзорного Александра, которого видеть ей сейчас совсем не хотелось. Мало того, реальный Александр, в кримпленовом костюме, который смеялся и говорил гадости, был ей даже противен. Оле хотелось видеть того, бородатого Александра, с которым они шли по темной лестнице вверх, к сверкающему проему и обсуждали важные вопросы.

Оля явно увидела яркий солнечный свет, кусочек голубого неба с белыми барашками облаков и заулыбалась.

– Ну, и долго ты тут сидеть будешь с глупым лицом? – грянул над Олиной головой строгий голос.

В дверном проеме стояла начальница ОК. Оля сообразила, что видит небо и солнце через окно кабинета, на пороге которого стоит дама.

– Давай сюда свои документы. Живо, – скомандовала она.

Оля повиновалась. Дама прошла к своему столу, приглашая Олю последовать за собой.

– Вот тебе направление на медицинскую комиссию. А для того, чтобы пройти нашу медкомиссию, тебе потребуется не меньше двух недель, – начальница сделала ударение на слове «нашу», намекая на то, что все не так-то просто, что здесь людей отбирают для полетов в небо, а не в конструкторское бюро.

– Когда соберешь подписи всех врачей, вот здесь поставишь штамп, – наставляла Олю начальница. – Времени у тебя не так уж много. Через две недели начнется учеба. Не успеешь, будешь еще год ждать. Все ясно?

– Значит я...

– Будешь стюардессой, – засмеялась строгая дама. – Ты хоть знаешь, кто за тебя хлопотал?

– Кто? – у Оли пересохло в горле.

– Прославленная летчица Мария Николаевна Попова – командир звена «Ночных ведьм», легендарная женщина. Мария Николаевна была первым начальником нашей службы бортпроводников.

Оля не могла поверить, что вот так запросто рыдала на плече у прославленной военной летчицы.

– Мне надо было ее слушать, открыв рот, а я влезла со своими слезами и сантиментами, со своими глупыми иллюзиями, – подумала Оля и дала себе слово: непременно разыскать Марию Николаевну и подробно расспросить о войне, о полетах, научиться у нее выдержке, смелости и чуткости.

Оля надеялась на скорую встречу с Марией Николаевной, но у жизни был иной сценарий.

Август звездною метелью гонит нас из дома.
Самолет мой – крест нательный у аэродрома.
Ни к полетной красоте ли вскинут взгляд любого.
Самолет мой – крест нательный неба голубого.

Дует ветер – князь удельный в гати бездорожной.
Самолет мой – крест нательный на любви безбожной.
Цвет неяркий, акварельный на стреле крылатой.
Самолет мой – крест нательный на любви проклятой.

Я сойти давно хочу, да мал пейзаж окрестный.
Распят я, и нету чуда, что летает крест мой.
Даль уходит беспредельно в горизонт неяркий
Самолет мой – крест нательный на тебе и я в нем⁶.

Время помчалось стремительным аллюром. Оля погрузилась в иную жизнь, где уже не было ипподрома, ранних утренних прогулок по пробуждающейся от сна Москве. Не было старой авоськи, взлетающей вверх, как знамя. Не было малыша Нуно и красавца Чезаре, не было дяди Коли, толстяка Макса, Иришки и даже Александра, ради которого, из-за которого и для которого Оленька стала стюардессой.

Она была зачислена в службу бортпроводников и приступила к занятиям в Учебно-Тренировочном Отряде, где экстравагантные педагоги, бывшие стюардессы, делились своими знаниями с теми, кому посчастливилось попасть в специальную группу стюардесс.

Двадцать милых девчонок и четверо ребят добросовестно вели конспекты.

– Записывайте, а то забудете и не сможете на экзамене ответить, – говорила учитель по питанию. – Итак, пустой контейнер – это такой контейнер, в котором ничего нет.

Все дружно хихикали. Но, как не странно, этот пустой контейнер остался в лабиринтах Олиной памяти на всю жизнь вместе с «май наме из» и «копейком в почете».

Самыми любимыми для Оли были уроки испанского языка. Непреодолимое желание выучить этот мелодичный язык так, чтобы легко изъясняться, а не выдавливать из себя слова, помогало Оле справляться со всеми сложностями испанской грамматики. Оля частенько оставалась после уроков, чтобы поболтать с молодой преподавательницей Маргаритой Васильевной, которая была всего на шесть лет старше своих учеников. Болтали по-испански. Марго рассказывала о красотах Мадрида. Ее нежный голос, ее легкое придыхание и слова «*Madrid con sus barrios modernos, sus amplios avenidas no tiene nada a las grandes urbes Europeas.*»⁷ остались в Олиной памяти навсегда. И желание, непреодолимое желание увидеть этот замечательный Мадрид «*con sus barrios modernos*» жило в Олином сознании до тех пор, пока она не побывала в Мадриде. А, побывав там, Оля поняла, насколько беден наш язык, потому что словами нельзя описать даже частично ту неповторимую красоту, которую можно увидеть только на улицах испанской столицы. *Madrid con sus barrios modernos...*

Все это было потом. А впереди была учеба с трехмесячным перерывом на летнюю практику в аэропортах Внуково и Домодедово.

⁶ Александр Дольский

⁷ Мадрид со своими современными кварталами и многочисленными старинными улочками совсем не похож на большие европейские города.

Олю откомандировали в аэропорт Внуково. Начальник внуковской службы бортпроводников распределил всех новеньких по бригадам.

– Привет, меня зовут Лариса, – сообщила полногрудая, рыжеволосая бригадир, протягивая Оле руку. – А фамилию мою запомнить легко, потому что она созвучна с фамилией Татьяны Пельтцер. Только она Пельтцер – великая актриса с одной «С», а я Мельцер – великая стюардесса с двумя «С». А бригаду нашу мы называли ЛИС – Лариса, Ира, Сергей. А с тобой будет ЛИСО или ЛОСИ, – Лариса звонко рассмеялась.

Оле тоже стало смешно, потому что эта троица напомнила ей сказку «Пузырь, соломинка и лапоть». Невысокая, полногрудая Лариса – пузырь. Худая, высокая Ира – соломинка и простоватый, с оттопыренными ушами Сергей – лапоть.

Лариса перестала смеяться и, насупив брови, сказала:

– Нет, ЛОСИ – плохо. Пусть остается ЛИС и О, потому что через два месяца ты от нас отпочкуешься, и навсегда забудешь о существовании бригады ЛИС.

Оля пожалала плечами, не сказав о том, что красавицу Ларису Мельцер стюардессу с двумя «С» она вряд ли забудет, что вся бригада останется в лабиринтах ее памяти.

Летное поле поразило Олю своей широтой и бескрайностью. А большие серебристые лайнеры показались ей гигантскими птицами, совершающими замысловатые, только им ведомые передвижения. Ей нетерпелось попасть в чрево одной из этих птиц, чтобы испытать неповторимые ощущения полета.

Оля летала на самолете только один раз, да и то в двухмесячном возрасте. Родители рассказывали, что весь полет она спала, причмокивая губами. Но стоило самолету совершить посадку, как маленькое очаровательное существо превращалось в грозного монстра, горланящего так, что у всех волосы вставали дыбом. Успокоить малышку мог только звук ревущих турбин, являясь для нее сладчайшей колыбельной песней.

После полета командир корабля ИЛ-18, выполняющего рейс Анадырь – Москва, прикрепит к Олиному одеяльцу свою «птичку» со словами: «Держи, юная летчица! Это тебе на счастье!»

Оля шла по летному полю и, крепко сжимая в кулаке ту самую «птичку», размышляла о том, что пилот – сердце большой железной и вполне живой птицы по имени «Самолет».

Внутри самолет показался Оле еще больше, чем снаружи. Красноватые кресла с белыми подголовниками внимательно наблюдали за каждым Олиным движением. А она крадучись пробиралась по узкому проходу, вдыхая незнакомый запах железной птицы.

– Новенькая? – поинтересовался командир.

– Да, – смущенно ответила Оля.

– Значит, ты из разряда простых людей, которые ежедневно ходят на работу по одним и тем же улицам, решила перейти в разряд людей, рожденных под знаком птицы, которые взмывают выше облаков, чтобы выбравшись из дождя, снега, слякоти, увидеть над облаками солнце, чтобы перенестись в надоблачное пространство, в надоблачную жизнь. Земные люди идут на работу в офис, а ты идешь на работу в Париж!

– Как это романтично: на работу в Париж! – повторила Оля.

– Ты тип нашего самолета знаешь? – поинтересовался усатый дяденька бортинженер, которого в экипаже называли – «пан смазчик». Еще в экипаже были «пан блудило» – штурман и «пан колупайло» – второй пилот.

– ТУ-154, – отчеканила Оля.

– Правильно. Но мы любовно называем его «Тушкой», – улыбнулся командир – «пан водило» и доверительным шепотом проговорил:

Позволь я расскажу о самолете,

Который иногда берет меня в полет.
И как его, родимого, в сердцах не называют:
И «тушкой», и «полтинником», «авророю». И вот —
Уйдя в другой отряд, навеки забывают,
Что он прокормит нас и весь Аэрофлот.
А укротить его считается везеньем —
И с ветром далеко не кончен вечный спор
«Аэродинамическое недоразумение»,
«Неуправляемый, летающий топор»⁸.

А, если серьезно, то у каждого самолета свой нрав, свой голос, своя статья. Я его спрашиваю: «Помнишь ли девушку ту?», а он мне отвечает: «Ту! Ту сто пятьдесят четыре!» Вот какие у нас замечательные говорящие «тушки».

Мало того, в кабине есть переговорное устройство, по которому можно связаться с вашей службой. Нажимаешь кнопку на панели и докладываешь: «Я – стажер Иванова осмотр самолета произвела. Мин нет. Экипаж трезвый, никто не пристает, за руки не хватает. Люди подобрались творческие, талантливые: командир песни поет, второй пилот картины рисует, штурман стихи пишет, бортинженер виртуозно на гитаре играет. Надеюсь, полет пройдет в дружеской атмосфере. Командир безопасность полета гарантирует».

Оля поняла, что про переговорное устройство «пан водило» насочинял, но виду не подавала. Ей было весело смотреть на взрослого дяденьку, который болтает глупости, как пацан.

– Кстати, – командир вдруг посерьезнел, – авиатранспорт – самый надежный и безопасный вид транспорта! Он стоит на шестом месте по количеству аварий. А на первом, между прочим, автомобильный транспорт. Так что – летайте самолетами Аэрофлота! Главное в нашей профессии – ничего не бояться.

– А я и не боюсь. Я даже люблю, когда страшно, – улыбнулась Оля.

– Вот и прекрасно! Вот и молодчина! Теперь тебе остается также лучезарно улыбаться пассажирам, помня, что ты из простой девушки по имени Оля превратилась в Стюардессу! Это превращение похоже на превращение Гадкого Утенка в Прекрасного Лебедя, то есть это превращение сказочное. Не забывай! – командир подмигнул ей и запел.

Голос у него был необыкновенный, да и слова так понравились Оле, что она потом еще долго-долго повторяла:

Стюардесса, стюардесса – ты небесная принцесса.
В серебристом самолете в страны дальние летишь.
Стюардесса, стюардесса – ты нездешняя принцесса.
Восхищаются тобою Лондон, Рим, Нью-Йорк, Париж.

Эта веселая песенка навсегда осталась в Олиной памяти. Стюардесса – принцесса! Принцесса – стюардесса! Навсегда!

Пассажиры входили долго и шумно, Оле даже показалось, что их гораздо больше, чем мест в салоне. Но Лариса только посмеивалась: «Спокойно, Леля, садут все!» Наконец посадка закончилась и, самолет начал медленно двигаться на исполнительный старт. Двигатели гудели, набирая обороты и заставляя дрожать цельнометаллическую конструкцию. На

⁸ Евгений Трофимов бортинженер 63 л/о.

краткий миг самолет замер, а потом помчался по взлетной полосе, чтобы, оттолкнувшись от последней плиты, легко взмыть в небо.

Оля ощутила необыкновенный восторг, когда самолет, вынырнув из толщи белых облаков, легко заскользил по невидимой дорожке, называемой воздушным эшелон. Вокруг простиралась солнечная долина без конца и края.

– Здесь вечное солнце или звездная ночь, – подумала Оля. – Здесь хорошо и радостно, и ничто не может омрачить сияющее спокойствие этих мест.

– Хватит в окошко глазеть, – строго сказала Лариса. – Бери поднос, иди в салон.

– Я? – у Оли похолодели кончики пальцев.

– Ты, ты, дорогая. Или ты забыла, что ты на работе?

– Ларисочка, я сейчас... Я только дух переведу... Я же первый раз на самолете, – начала заикаться Оля. – Вообще первый раз лечу... Раньше никогда...

– Потом расскажешь, – сухо произнесла Лариса, вручая Оле поднос, на котором стояли маленькие стаканчики с водой.

Оля мертвой хваткой вцепилась в поднос, наблюдая, как в стаканчиках прыгают веселые пузырьки газировки. Ее руки тряслись в такт прыгающим пузырькам, заставляя все двадцать стаканчиков дружно приплясывать.

– Ольга, улыбайся, – приказал Сергей, распахивая перед Олей кухонные шторы. – Не бойся, мы тебя с тыла прикроем. Если что, кричи.

– Ладно, – заулыбалась Оля, сделав решительный шаг в салон.

Но вся решительность моментально улетучилась, при виде множества любопытных глаз, нацеленных на нее. Ей показалось, что все пассажиры видят, какая она неуклюжая. Чтобы скрыть неловкость, Оля начала твердить «Пожалуйста. Пожалуйста!» А голову сверлила одна-единственная мысль: «Только бы не уронить этот поднос кому-нибудь на голову».

– Умница, у тебя все классно выходит, – подбодрила ее Ира, вручая следующий поднос.

– У меня такое чувство, что наш самолет удлинился. Мне кажется, что я никогда не дойду до последнего ряда, – простонала Оля, шагнув в салон все с той же мыслью: «Только бы никого не облить!»

Все произошло как-то само собой. Оля протянула поднос. Пассажир странно взмахнул руками, и стаканчики один за другим забарабанили по его русоволосой голове.

– Ура! – закричал пассажир. – Меня облила настоящая стюардесса!

– Простите, простите, – начала бормотать Оля, радуясь, что на подносе было не двадцать, а всего пять стаканчиков, и что осталась одна минеральная вода.

– Да брось ты свои стаканы, Ольга, Оленька, Оля! – схватив ее за руки, приказал пассажир.

Оля подняла на него глаза и, замотав головой, выдохнула:

– Вы? Нет, это сон, этого просто не должно было произойти в реальной жизни.

– Но это произошло! – радостно заговорил Александр. – Мало того, я загадал, что женюсь только на той стюардессе, которая меня обольет водой, втайне мечтая, что это будете вы. И меня облили именно вы! Хотя, по теории вероятности ваши шансы были равны нулю. Я так счастлив! Вы себе даже представить не можете, как же я счастлив!

Оля смотрела на Александра и не могла поверить, что это тот самый мужчина, из-за которого она стала не просто стюардессой, а небесной принцессой. Мало того, этот неприступный, высокомерный человек смотрит на нее влюбленными глазами, которые говорят больше, чем следовало бы.

В Ташкенте он разыскал ее в гостинице и пригласил посетить ни с чем не сравнимый восточный базар, пообещав массу сюрпризов и не меньшее количество интересных историй.

– Мы будем пробовать дыни, виноград, гранаты и даже лысые персики.

– Лысые? Почему они полысели? – удивилась Оля.

– Они не полысели, а их побрили, – рассмеялся Александр. – Неужели ты ни разу не видела лысых персиков?

– Ни разу.

– Сегодня ты их не только увидишь, но и попробуешь, – пообещал он.

Они ходили по базар и наслаждались ароматами вкусов и запахов. Он крепко прижимал ее руку к своему боку, чтобы она не потерялась, и говорил безумолку.

А Олю не покидало чувство, что все это с ней уже было, что он уже водил ее по базару, прижимая руку к своему боку, что уже кормил ломтиками дыни, истекающей сладким нектаром, и говорил смешные глупости... Оля даже знала и то, что перед ними должен возникнуть странно вида старичок. Поэтому, когда он вырос словно из-под земли, она радостно воскликнула: «А вот и вы, здравствуйте!»

Старичок, кативший перед собой выдавшую виды покореженную детскую коляску, остановился и показал рукой на три больших лысых персика, нагло развалившихся на серой тряпице. Персики были сочными и румяными. Они сами просились в рот. А старичок, одетый так, словно на дворе был не XX, а XVIII век, причмокивал губами, повторяя: «Вах!», что, по-видимому, означало восторг.

Пока Александр расплачивался, Оля внимательно рассматривала странный наряд старичка. Одежда его хоть и была ветхой, но не утратила былой роскоши. Кое-где на ткани поблескивал золотой орнамент. На совершенно седой голове был надет странный тюрбан с дорогим камнем в самом центре. Ровный клинышек седой бороды смешно поднимался вверх, когда старичок шевелил губами. А в белесых глазах подрагивали огоньки, похожие на пламя свечей, дрожащее на ветру.

Олю развеселили дырявые длинноносые башмаки, из которых торчали большие, крепкие пальцы. Пальцы на руках и ногах шевелились одновременно. Старичок пересчитал деньги, сказал свое: «Вах!» и исчез так же внезапно, как и появился.

В руках у Оли остались три наглых лысых персика. Александр молча взял один, вытер носовым платком и поднес к Олиным губам. Она прикрыла глаза и вонзила свои острые зубы в мякоть лысого наглеца. Сладковатая мякоть начала таять на языке, наполняя все тело какими-то новыми ощущениями. Оля откусила еще кусочек и поняла, что персик имеет лишь косвенное отношение к тем чувствам, которые переполняли ее, а прямой виновник Александр. Это он касается Олиных губ своими губами. Сладкий нектар, тающая во рту мякоть и упругие, горячие губы Александра заставили Олю ощутить чувство полета.

Оля радостно выдохнула: «Ах!» и сжала руками лысые персики. Брызнувший персиковый сок потек сладкими ручейками с Олиных рук.

Александр присел на корточки и подставил лицо под льющийся нектар. А она давила, давила, давила податливую мякоть до тех пор, пока в руках не остались лишь крепкие косточки...

Александр проводил Олю до гостиницы. Красивым, ровным почерком написал свой московский адрес и телефон, поцеловал Олю в щеку и ушел.

– Где твои покупки? – поинтересовалась Лариса, когда Оля перешагнула порог.

– Покупки? – Оля удивленно посмотрела на Ларису, не понимая, что от нее хотят.

– Девочка, ты зачем на базар ходила? – задала наводящий вопрос Ира.

– На экскурсию, – улыбнулась Оля, сжимая в ладони листок с адресом Александра.

– Ах, на экскурсию, тогда ладно. Тогда спать ложись, – засмеялись Лариса.

– Только заруби себе на носу, детка, что второй раз в Ташкент не ставят, – зло проговорила Ира. – Тебя предупредили, что Ташкент хлебный рейс. Значит, надо понимать, что

«хлеба» всем хочется. Мы этот рейс полгода ждали. Фруктов набрали себе и своим нелетающим товарищам. А ты на экскурсию ходила. Это не солидно. Я бы даже сказала, что это не правильно, не по-Аэрофлотовски. Мы должны проявлять заботу о близких, поняла?

– Поняла, – буркнула Оля. – Просто мне ничего не надо.

– Глупости, – рассердилась Лариса. – Завтра утром купишь пару дынь. И не смей мне бригаду позорить.

– Но...

– Нечего выпендриваться. Раз ты с нами, то должна быть, как все.

– Почему? Зачем?

– Не задавай глупых вопросов. У нас во Внуково существуют определенные правила, и ты должна их выполнять. Между прочим, через два месяца я должна буду написать тебе характеристику, – Лариса ткнула себя пальцем в грудь. – А, что я напишу?

Глядя на Ларису, Оля вспомнила детскую считалочку: «Аты-баты шли солдаты...» и поняла, что проиграла. На душе стало неуютно и пасмурно от того, что дальнейшая карьера зависит теперь от расположения Ларисы с двумя «С», которая будет требовать выполнения абсурдных приказов. Что делать Оля не знала, поэтому решила молчать.

– Вы все, Шереметьевские, с гонором. Все из себя строите невесть что, а поработали бы лет десять во Внуково, как я, хлебнули бы нашей советской романтики, тогда бы носы не задирали, – выкрикнула Лариса.

Оля вспомнила смешного старичка, счастливого Александра, тягучую, липкую мякоть лысого персика и, улыбнувшись, тихо проговорила:

– Милая Лариса, – это прозвучало, как «dear children» у КВНа, – я совсем не виновата, в том, что ты летаешь во Внуково, а не в Шереметьево.

– Не виновата, – подтвердила Лариса. – Просто мне уже тридцать три. Через два года скажут: «Аривидерчи, Лора!», а у тебя все еще впереди, ты молодая, красивая и до неприличия счастливая. Да еще со своим юношеским максимализмом: «мне ничего не надо, у меня все есть!»

Последние слова она произнесла совсем тихо, став милой девчонкой, подружкой, одноклассницей.

– Лорка, неужели тебе тридцать три?

– Мне тридцать три, я догнала Христа, и «если завтра выходной дадите, то дотяну, наверное, до ста». Но вы до ста летать мне не дадите, – грустно сказала Лариса, присев на край кровати.

– Не дадут, гады, – поддакнула Ира, обняв Ларису. – Дался им этот возраст. Кто придумал цифру тридцать пять? Почему тридцать пять? У меня что, мозги высохнут или я внешне сильно изменюсь? Почему, почему в тридцать пять у нас должна закончиться жизнь? Бред, бред сивой кобылы...

– Точно. Вис из ве бред оф ве сивый к, был, – произнесла Лариса и расхохоталась, а потом откинув волосы со лба, продекламировала:

Последний рейс раскрыл тебе объятья,
Свел в экипаж покладистый народ,
Кого в среде Аэрофлота братьях
Увы, встречать не каждому везет.

Еще не скоро будут мемуары.
Дай Бог. Лишь треть по жизни ты прошла.
Коль «истина в вине», пусть растолкует чара,
Чего лишила треть и, что дала.

И мед и соль дарованного хлеба,
И странствий годы – счастья пусть аванс.
Не хлопай дверью, уходя из неба:
Ведь рейс последний, не последний шанс.

Впредь оставайся в обществе кумиром,
Хозяйки неба выучив урок,
Украсишь ты любое место мира —
Загадочного неба лепесток...

– Эти стихи Игорь Куликов написал для нашего бригадира Мариночки Шустовой. А назвал они их «Уходящим из неба». Мариночка больше не летает. Она теперь в службе наряды⁹ отвечает. А Игорек перевелся в Шереметьево. Стал богатым-пребогатым. Строит большущий дом, в котором смогут собираться летающие барды, летающие поэты и поэтессы, поющие стюардессы и просто классные бортпроводники, которым есть о чем поведать миру.

А то ведь большая часть населения, по мнению того же Игорька, живет по принципу: «придирчивы к чужим словам, таим обиды, их итожим. Случись же высказаться нам, порой двух слов связать не можем». Так что, не итожь обиды, Ольга.

– И на нас не сердись, пожалуйста. Мы девчонки нормальные. Просто накатило что-то. Наверное, это зависть. Обычная, глупая бабья зависть, – протянув Оле руку, сказала Ира.

– Да я и не сержусь, – улыбнулась Оля. – Будем считать, что это была притирка характеров.

– А в знак примирения, мы тебя будем Шереметьевской курицей фифой звать, идет? – хитро улыбнулась Лариса.

– Идет! – отозвалась Оля. – Зовите хоть горшком, только в печку не ставьте.

Она повернулась и пошла в ванную комнату, чтобы, стоя под струями воды, думать об Александре, воскрешая в памяти все детали их романтической прогулки.

Оля больше не боялась выходить в салон. Наоборот, ей доставляло несказанное удовольствие общаться с разными людьми, именуемыми пассажирами. Все они были желанными гостями в ее доме-самолете.

Чувствуя ее расположение, ее внутреннюю радость, желание угодить, выслушать, помочь побороть страх, пассажиры начинали расслабляться. Они с благодарными улыбками принимали из Олиных рук шуршащие пакеты-подарки, как их называли бортпроводники, в которых лежал кусок черного хлеба, «огрызок» киевской колбасы, плавленый сырок «Лето» или «Дружба» и крутое яйцо, которое Оля называла прямым, из-за того, что оно напоминало ей резиновый ластик. Но на вопрос: «Что надо делать с яйцом, чтобы из него вышел резиновый ластик?» – никто ответа не давал.

Пассажиры ели прямые яйца с колбасой и хлебом, шуршали пакетиками и мило улыбались. Оле было невыносимо стыдно за ненавязчивый советский сервис на борту самолета, но она ничего не могла изменить в этой, отлажено работающей машине.

– Смотри и запоминай, – назидательным тоном говорила Лариса. – Потом расскажешь своим подружкам про наш Внуковский сервис. Про наши самолеты, где пассажиры сидят

⁹ Наряд – служебная информация для бортпроводников о маршруте полета, времени вылета, типе самолета, составе бригады.

друг у друга на коленях и делают вид, что они счастливы. Правда, бывают и недовольные элементы.

Один раз заходит в салон шикарно одетый, толстый дядя с большим портфелем. Вид весьма интеллигентный. Я улыбаюсь, а он вдруг с пренебрежением спрашивает: «Ну и когда же этот ваш сарай полетит?» А я ему в ответ: «Сейчас всю скотину загоним, и начнем взлетать. Занимайте скорее свое место, не затрудняйте проход». – Оля хихикнула. Лариса погрозила ей пальцем и строго произнесла:

– Только ты, Ольга, так никогда не говори. С меня пример брать не стоит, потому что пассажиры ни в чем не виноваты. Они заплатили деньги и хотят получить максимум удовольствия. И нам, милая моя Шереметьевская курица фифа, приходится пускать в ход все свое обаяние, выкручиваться, из ничего создавая сервис, прикрывая недочеты и огрехи наземных служб, потому что мы – стюардессы – лицо авиакомпании. Люди видят нас, а не тетю Маню, которая прямые яйца варит и пакует в шуршащие пакеты. Это за нами народ в щелочку подглядывает, что мы там, на маленькой, сексуальной кухне делаем? Каким сексом занимаемся? А мы всего лишь дорогим пассажирам еду готовим, работая за себя и за того парня. Но народ не верит, потому что психология такая: за закрытой дверью непременно должна быть тайна. Вспомни русские народные сказки. Если главному герою говорят: «Открывай все двери, а эту не смей!», то он обязательно запретную откроет, запретный цветок сорвет, запретный плод отведаст...

Но хоть за нами пассажиры и подглядывают, а все равно всех тонкостей узнать не могут. Не знают они, что в бригаде у нас вместо пяти человек четверо, что приема на работу нет, что тридцатипятилетних, опытных людей за борт отправляют, что скоро совсем работать некому будет, одни начальники останутся. У нас ведь на каждую бригаду по инструктору. Придет такая важная инструкторесса, книжечку откроет и весь рейс будет читать да кофеек попивать, а потом послеполетный разбор начнет проводить, выявляя недостатки в нашей работе. Да я и без нее все недостатки сама вижу. Лучше бы она подсчитала, сколько раз я, нежное создание, весом в шестьдесят килограмм, подняла контейнер весом в восемьдесят килограмм, радостно сообщая, что вес взяла Лариса Мельцер Советский Союз! Нам должны аплодировать и кричать: «Ура!», а вместо этого сплошные недовольства. В салоне плохо пахло, воды маловато было. Запах в салоне мы не портим, а за воду, между прочим, бортпроводники свои денежки выкладывают, которые никто, кстати, не компенсирует.

– Ларис, как же это можно всех пассажиров за свой счет напоить? – удивилась Оля.

– Запросто, – сказал Сергей и объяснил изумленной Оле, что ответственный за «кашу», то есть за питание пассажиров, должен оставить в цехе бортпитания задаток за бутылки в размере от пятидесяти до ста своих кровных рублей. После рейса деньги вернут в количестве прямо пропорциональном количеству бутылок, вернувшихся на базу.

– Если же по счастливой случайности, бутылок будет больше, то прибыль заберут работники цеха. Потому что бортпроводники – птицы, а птицам деньги не нужны. Им же безумно много платят – целых восемьдесят рублей!

Лифтер, для сравнения, получает сто двадцать чистыми. А я большую половину зарплаты должен отдать за бутылки, чтобы создать имидж авиакомпании.

– Ладно, Серега, не заводись, – погладила его по голове Ира. – Мы же не лифтеры, не какие-то там мусордессы, мы – бортпроводники! У нас экзотическая работа.

Да, экзотики было хоть отбавляй. Северный город Певек. Маленькое, одноэтажное здание аэропорта – деревянный барак, на крыше которого красуется надпись: Певек – Пекин. Дощатые мостки ведут к гостинице – единственному двухэтажному зданию. Растительности никакой. В июле уже падает снег, по-зимнему завывает ветер. У Оли окоченели руки, и посинел нос. Лариса предупреждала, что надо взять теплую куртку, но Оля, думая, что это

очередной розыгрыш, взяла лишь свитер. Поэтому до гостиницы она бежала бегом, надеясь там отогреться.

Но не тут-то было. Огромная комната, в которую их поселили всей бригадой, оказалась ужасно холодной. Отопление пока отсутствовало.

– К августу включат, – пообещала администратор гостиницы. – А пока можете кровати сдвинуть и греться. Если хотите, летчиков с вами вместе поселим, теплее будет.

– Спасибо, не надо, – буркнула Лариса. – Мы уж как-нибудь, отдельно. Хватит с нас вашего общего туалета.

Общий туалет произвел на Олю неизгладимое впечатление: за тонкой дверью с огромными щелями находилась маленькая, обледенелая дырка, вырытая прямо в вечной мерзлоте. Дверь самопроизвольно распахивалась, выставляя на всеобщее обозрение место общего пользования, испачканное нечистотами постояльцев.

Воды в гостинице не было. Не графья. Хорошо, что предусмотрительный Серега сунул каждому по две бутылки воды, строго наказав, посуду вернуть на борт в целости и сохранности. Наскоро умывшись, Оля юркнула в холодную постель и моментально уснула.

Потом, побывав в настоящем Пекине, она поняла, как далеко ушел Китай от великого, могучего Советского Союза. У китайцев были семимильные сапоги, а у нас лапти.

В другой северный город Анадырь, расположенный на Чукотском полуострове, Оля попала в августе. Она с нескрываемым любопытством смотрела, как белый снег падает на угольно-черную землю, на тощих коров, похожих на больших московских собак, на карликовые деревья, на дома, стоящие на сваях, как на ходулях. Оля одна бродила по улицам Анадыря, наблюдая, как тощие коровы жуют мусор из помоек. Солнце опасливо пряталось за огромную, черную гору, отбрасывая апельсиновый отсвет на свежевывающий снег.

Оля смотрела на оранжевую дорожку и явно слышала мамины слова: «Анадырь – большой город. Он и двадцать лет назад был большим. Дома для русских строили на сваях, а чукчи жили в чумах и юртах. Они не понимали, как можно жить всем вместе, в конструкции на куриных ногах. Да еще в домах вода сама по трубам вверх поднимается, а воду чукчи боятся. Вода – плохо. Мы видели, как тонул человек, а вокруг стояли чукчи и молча наблюдали. Человек из последних сил цеплялся за ломающуюся льдину, кричал, звал на помощь, но никто не двинулся с места, никто не протянул руку помощи. Нельзя помогать. Человек попал в беду из-за своей глупости. Выпустит его дух воды – хорошо. А не выпустит – значит так надо. Пока мы пробились через плотное кольцо молчаливых наблюдателей с равнодушными лицами, человека не стало. Наступила жуткая тишина.

Мне потом долго снилось черное кольцо проруби с острыми, ледяными краями, окрашенными солнцем в оранжево-красный цвет, цвет апельсиновой кожуры...»

– Цвет апельсиновой кожуры, – повторила Оля и побрела в гостиницу, которая была на класс выше, чем гостиница в Певеке.

Утром Оля распрощалась с Анадырем без тени ностальгии. Распрощалась, чтобы уже никогда не возвращаться в этот вмерзший в вечную мерзлоту город, окруженный угольно-черными горами, угольными копиями и черной водой Чукотского моря.

Потом были Хабаровск, Иркутск, Улан-Уде, Сочи, Анапа, Киев, Братск – далекие города, которые Оля никогда не смогла бы увидеть, если бы не стала стюардессой. Она мысленно благодарила Александра, но нарочно не звонила ему, запрятав его адрес в одну из многочисленных книг, разместившихся на книжных полках. Нет, она не забыла название книги. Разве могла она забыть любимого Доктора Живаго? Она просто выжидала. Ей хотелось, чтобы Александр сам разыскал ее в миллионной Москве. Он просто обязан был ее разыскать. Иначе все слова, сказанные им в Ташкенте, когда он собирал персиковый нектар с ее рук, теряли свой смысл.

– А смысл, глубокий, философский смысл должен быть во всем, – повторяла Оля, когда-то услышанную фразу. Эта фраза глубоко въелась в память, как «май наме из», как «Madrid con sus barrios modernas», как «пустой контейнер», как стюардесса с двумя «С», как апельсиновый отсвет на белом снегу...

Как распяты, оконная рама —
Охлаждение горячему лбу.
– Все пройдет, – повторяю упрямо.
– Все пройдет, я без вас проживу.

Солнце краской оранжевой брызнет
И, заставив утихнуть пургу,
Апельсиновым цветом раскрасит
Мне дорогу на белом снегу.

И по узенькой этой дорожке
Я с распятым пойду на груди,
Чтобы встретить того, кто поможет
Одолеть мне остаток пути.

Оля стояла на эскалаторе, который ехал вниз, и рассматривала людей, которые ехали вверх. Вот строгий гражданин, обиженный на что-то. Вот легкомысленная дамочка, вот сладко целуется влюбленная парочка, не обращая ни на кого внимания. Вот веселые студенты с гитарами, а вот бородатый парень с рюкзаком, наверное, геолог...

– Оля! Оленька! Ольга! – закричал геолог и рванул вверх, перепрыгивая через ступени.

– Александр? – произнесла она, не решаясь поверить в то, что это не сон. А, поверив, закричала: «Александр!» и побежала вверх по эскалатору, движущемуся вниз.

Их голоса смешались с шумом эскалатора, заставив людей, едущих вверх и вниз, встрепнуться и стать участниками разыгрывающегося действия, гениальность которого состояла в сплошной импровизации. Никто из зрителей не догадался, что для Оли и Александра эта встреча была закономерным, необходимым, желанным продолжением их первой встречи.

Оля бежала вверх навстречу людям, спешащим вниз, но никак не могла преодолеть движущиеся ступени, как ни старалась.

– Да подождите вы его внизу, – услышала она чей-то совет.

Но разве слушает советов вырвавшаяся из берегов река? Разве можно остановить волну Цунами, зародившуюся в океане? Разве можно обуздать страсть, потушить бушующий пожар любви?

Оля упрямо бежала вверх. Она замерла только тогда, когда увидела бегущего вниз Александра.

– Почему ты исчезла? Куда ты исчезла? – крепко сжав ее руку, выпалил он.

– Работы было много. Лето – пора отпусков... – пожав плечами, ответила она.

– Все не то, не то... Мы... я говорю какие-то банальные глупости вместо того, чтобы честно признать, что я ужасно, безумно тосковал по тебе. Я понял, что должен постоянно видеть тебя. Ты нужна мне ежеминутно, ежечасно... Я чуть не свихнулся от двухмесячного ожидания нашей новой встречи. Как я ругал себя за то, что не взял твой адрес. Не пропадай. Не исчезай из моей жизни. Не улетай...

Не найти мне для слов места.
В сердце черством совсем не просторно.

Почему же оно покорно
Благосклонным твоим жестам?

Вот бы мне разгадать тайны
Твоих мудрых у глаз морщинок:
Знак-то радости или кручины,
След страстей иль потерь печальных?

Нет, тебя я не знаю пока,
Не делил я с тобой скитанья.
Но уж раб твоего обаянья,
Твой покорный и верный слуга¹⁰...

Они стояли в нескольких шагах от эскалатора, а людской поток безропотно обтекал их с двух сторон.

– Что мы здесь стоим, как две сироты? Поедем ко мне? – Оля пожала плечами, потому что боялась своим поспешным согласием спугнуть счастье, которое представилось ей диковинной, пугливой птицей, способной улететь в любой миг.

– Я заварю тебе фантастический чай из горных трав. Я буду петь тебе до полночи стихи. Я буду рассказать тебе о необычайной красоте гор, о том, как я бороздил морские просторы... Это будет потом, потому что сначала я просто обязан сказать тебе, что ты самая, самая, самая единственная. «Ты – богиня в речах и движениях, небом посланный, ангельский птах. Находиться в твоём приближенье, словно в света купаться волнах»¹¹. Ты станешь моей женой сегодня и навсегда. Понимаешь, на-всег-да? – скороговоркой выпалил Александр. Он очень боялся, что дивная птица счастья улетит, если он сейчас же ее не посадит в золотую клетку своей любви, своих чувств, своего обожания.

– На-всег-да, – повторила Оля и, чуть прикрыв глаза, увидела темную лестницу, по которой она когда-то бежала за Александром.

Оля поняла, что догнала его, перешагнув сразу через четыре ступеньки, разделяющие их. Нет, не перешагнула, перелетела через ненужные ступени, чтобы опуститься на завораживающий и пугающий своей неизвестностью айсберг по имени Александр, Саша, Шурка...

4

С Марией Николаевной Поповой Оля встретилась совершенно случайно. Они столкнулись у дверей службы.

– Мария Николаевна! – радостно закричала Оля. – Вы меня, конечно, не помните...

– Помню, милая, – улыбнулась Мария Николаевна. – Стюардессой ты стала, а замуж за Александра вышла?

– Ах, вы и имя его помните! – восхитилась Оля. – Да, мы уже четыре года женаты. У нас растёт сын Артемка. Спасибо вам огромное. Я так мечтала с вами встретиться, поговорить, расспросить вас обо всем. Можете вы со мной поговорить? У вас есть время?

– Могу, – улыбнулась Мария Николаевна и, взяв Олю под руку, повела за собой.

Они поднялись в ресторан и сели за самый дальний столик у окна. В окно был виден перрон, где двигались и беззвучно взлетали самолеты. А напротив красовалась «рюмка» – визитная карточка аэропорта Шереметьево.

¹⁰ Игорь Куликов.

¹¹ Игорь Куликов.

– Сколько хлопот было с установкой этой «рюмки», – глядя в окно, проговорила Мария Николаевна. – Почва – сплошной пливун, никак не поддавалась людям. Но, терпение и труд сделали свое дело. Стоит наша «рюмка», и все ею любуются.



Мария Николаевна повернула голову и, хитро прищурившись, спросила:

– А ты знаешь, как называли первых летчиков?

– Авиаторами, – ответила Оля.

– Правильно. А первых летчиц называли – авиатриссами.

Оля сразу вспомнив Ларису Мельцер – стюардессу с двумя «С», и подумала: «Знай Лорка про авиатрисс, обязательно бы вворачивала в свою речь это словечко с двумя «С».

– Первой авиатриссой стала Лидия Васильевна Зверева в 1911 году. Второй – Евдокия Анатра. Третьей стала известная певица Молли Море – Любовь Александровна Галанчикова. Она была шеф-пилотом у Фоккера в Германии, установила несколько рекордов дальности в перелете Берлин – Париж.

Княгиня Евгения Михайловна Шаховская самостоятельно летала на самолете «Райтер». А в 1913 году была даже создана специальная школа, где готовили авиатрисс.

– А сейчас авиатриссы есть?

– Конечно, – улыбнулась Мария Николаевна. – Только не очень охотно берут женщин в авиацию. Хотя еще в 1934 году Марина Раскова утверждала, что женщины летают не хуже мужчин. Она говорила, что профессия летчика не возможна без риска, что человек, однажды испытавший счастье самостоятельного полета, уже никогда не изменит своей мечте. Разумеется, если у него душа настоящего летчика.

У Марины Расковой была душа настоящего летчика. Вместе с Валентиной Гризодубовой они совершали рекордные беспосадочные перелеты.

В свои двадцать три года Марина уже преподавала штурманское дело в Военно-Воздушной Академии.

Поначалу, видя в расписании занятий «штурманское дело – преподаватель Раскова», слушатели думали, что произошла ошибка. Некоторые даже посмеивались: «Напишут же такое!» А когда Марина входила в аудиторию, то на нее попросту не реагировали.

Уважительно о Марине заговорили только тогда, когда ее назначили штурманом черноморской экспедиции и поручили прокладывать курс для полетов над морем в осенние дни в сложных метеоусловиях по новой трассе Одесса – Батуми.

А беспосадочный перелет Москва – Дальний Восток на самолете «Родина» прославил Раскову, Гризодубову и Осипенко на весь мир. Целых двадцать восемь лет никто не мог пролететь расстояние в шесть тысяч четыреста пятьдесят километров за двадцать шесть часов и двадцать девять минут, как наши девушки.

Правда этот полет не был легким. Из-за плохой погоды лететь пришлось за облаками на высоте семь тысяч пятьсот метров. Температура за бортом минус сорок. Самолет покрылся ледяной коркой. Вышла из строя радиостанция. Связь с Москвой прервалась. Девушки приняли решение лететь по приборам. Вся надежда была на штурманский расчет Марины. Вскоре показался Амур. Но радость омрачила мигающая красная лампочка – горячее на исходе. Подходящего места для посадки нет, кругом тайга и болота. Гризодубова приказала Расковой прыгать, опасаясь, что в случае неудачной посадки Марина погибнет. Марина прыгнула.

Сильным порывом ветра ее парашют далеко отнесло от места планируемой посадки. Марина осталась в тайге в полном одиночестве. Но она не испугалась, не стала сидеть на месте, а двинулась вперед.

Ровно через девять дней Марина вышла недалеко от поселка Керби, точно к тому месту, где приземлился самолет «Родина».

Девушки вернулись в Москву поездом. Их встречали, как настоящих героев. Мы были счастливы. Никто не скрывал слез радости и восторга. Казалось, радость будет вечной...

Но как-то вдруг сломалась, рухнула мирная жизнь. Страшное слово «война» бесцеремонно вторглось в нашу речь. Голубое небо, которое мы так любили, превратилось в грохочущее от рева самолетов, смятое, вздыбленное, огненное, распоротое визжащими осколками пространство.

С первых же дней войны мы все стали рваться на фронт. А Марина Раскова предложила создать женские авиационные части из летчиц Осавиахима и пилотов Гражданского Воздушного флота. В ЦК партии предложение обсуждали до осени.

Наконец, решение о создании женского полка легких ночных бомбардировщиков было принято, а командовать им поручили Марине Расковой и Евдокии Бершанской. Никто и не подозревал, что через несколько месяцев женский полк будет наводить на немцев парализующий страх.

А секрет был прост. Мы летали на маленьких самолетах – У-2 – «уточках», как мы их любовно называли. Так вот эти «уточки» проникали туда, куда было не пробиться тяжелым бомбардировщикам. Мы могли летать с выключенными моторами. Появление наших самолетов было всегда неожиданным. Нас даже окрестили «Ночными ведьмами».

Жаль, Марина не порадовалась за нас...

Мария Николаевна замолчала, вспоминая, какой горькой была утрата, когда 12 января 1943 года хоронили Марину Раскову. Это было противоестественно, неправильно, непоправимо. Самолет, на котором летел экипаж командира женского Таманского полка ночных бомбардировщиков, майора Марины Расковой попал в сложные, тяжелейшие метеоусловия и потерпел катастрофу. Погибли все...

В день вылета Марина отослала маме и дочке письмо: «Дорогие мои, мамочка и Танюрочка... Посылаю вам привет и тысячу поцелуев... Все у нас в порядке, обо мне не беспокойтесь. Посылаю тебе ключи от нашей квартиры, которые улетели вместе со мной в моем кармане. Будьте умницы, мои дорогие, берегите здоровье... Целую вас, мои любимые...»

– Мои любимые, – вслух повторила Мария Николаевна и, словно очнувшись от воспоминаний, спросила:

– А вы мне о себе рассказывать будете?

– Буду, обязательно буду, – отозвалась Оля. – Только потом, когда вы все расскажете о себе. Вы столько видели, столько пережили, столько можете поведать, что я должна превратиться в слух и не дышать. Я еще тогда, пять лет назад, должна была расспросить вас обо всем, а я начала вам щебетать про свою любовь, про свои невзгоды...

– Правильно сделали, что начали щебетать, – прервала ее Мария Николаевна. – Откуда же вам было знать, что я военная летчица – авиатрисса, инструктор, командир звена «Ночных ведьм». Вот, когда я вам все о себе расскажу, а вы потом мимо меня пройдете...

– Ни за что не пройду, – замотала головой Оля.

– Верю, – заулыбалась Мария Николаевна. – Я вам сразу поверила, когда вы мне в плечо уткнулись. Было в вас что-то неуловимо детское: растерянность, мольба о помощи, беззащитность. Вы плакали у меня на плече, а я вспоминала, как однажды мне так же уткнулся в плечо мой однокашник по Батайской школе пилотов – Анатолий, Толя Попов – наш первый красавец, по которому сохли все девчонки. Мы были веселые, бесшабашные, но война все залила кроваво-красным огнем пожарищ, исковеркала людские судьбы, надломив даже самых сильных и смелых, поэтому никто не стеснялся слез и никто не осуждал за слезы...

С Толей мы встретились на Белорусском фронте. Шло стремительное наступление на Минск. Нашим полкам была дана задача искать разрозненные группировки немцев. На лесной поляне собралось сразу несколько мужских и женских полков. Мы все принимали живое участие в радостях и бедах друг друга. Читали одну на всех книгу Белинского... Она, к сожалению, сгорела вместе с самолетом... Но мы больше горевали о молодом пилоте, который не смог эту книгу прочесть. Он сгорел в самолете вместе с Белинским.

Этот мальчишка погиб совершенно нелепо. Он вылетел на поиски немцев, перелетел речушку, находящуюся прямо за нашим леском, и попал под одиночный немецкий обстрел. Горящий самолет медленно опустился на берег реки. Штурману удалось выбраться и сообщить о происшествии командиру эскадрильи Анатолию Попову, Толе. Попов незамедлительно помчался к месту трагедии, но было уже слишком поздно... Ни пилота, ни самолет спасти не удалось.



Обратно Анатолий шел медленно, не разбирая дороги, размышляя о нелепости случившегося. Он был против этого вылета, но не смог переубедить командира полка, не смог настоять на отмене приказа. Жаль было совсем юного пилота, который и в полку-то побыл всего несколько месяцев.

– Не уберегли парня. Не уберегли, – думал Анатолий. – Скорей бы конец войне.

Думы его были такими тягостными, что он не сразу сообразил, куда идет. А шел он прямо на нас с девушками. Мы дружно крикнули ему: «Здравствуйте, товарищ майор!»

Он поднял глаза, долго-долго блуждал взглядом по нашим лицам, а потом удивленно проговорил:

– Маша? Тепикина? Что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты, – засмеялась я. – Я командир звена «Ночных ведьм».

– Маша, милая, как я рад тебя видеть. Ты себе даже представить не можешь, как я рад.

Он схватил меня за обе руки и начал трясти. Девчата мои куда-то испарились. Мы остались вдвоем. Толя порывисто обнял меня и, уткнувшись в плечо, заплакал. Это были слезы ребенка, который наконец-то может излить всю свою боль, обиду, отчаяние, поняв, что его поймут и поддержат. Он плакал, а я молча гладила его по голове и думала:

– Как странно порой складывается наша жизнь. Там, в летной школе, Толя даже не подозревал, что я была в него влюблена. Он ни на кого не обращал внимания, потому что был увлечен своей будущей женой, молоденькой, милой учительницей Танечкой...

Но милая Танечка не захотела долго ждать возвращения Анатолия с войны. Решив, что муж может погибнуть, а ей будет очень трудно одной растить дочь, Татьяна начала отвечать взаимностью на ухаживания молоденького капитана. Толина мама все знала, но ничего

не писала сыну, не хотела расстраивать. Толя воевал, веря в любовь и преданность своей Танечки. Он ее безумно любил и старался найти любую возможность, чтобы повидаться. Такая возможность появилась у Толи только в 1942 году.



После освобождения Калинина он сумел выхлопотать себе трехдневный отпуск и помчался в Нальчик, где жили мама, жена и дочь. Но к тому времени Татьяна уже перебралась в другой поселок, чтобы никто не упрекал ее в связи с другим мужчиной.

Ничего не подозревающий Толя вбежал в новый Танин дом и замер. На стуле висел капитанский китель.

– Я был убит. Нет, я был смертельно ранен блуждающим по телу осколком. Мне показалось, что вся кровь отлила к ногам, сделав их чугунными. Не знаю сколько времени я простоял молчаливым чугунным солдатиком, совершенно нелепым в этой невоенной обстановке чужого семейного уюта. Я не произнес ни слова. Нам не надо было ничего говорить. Не следовало ничего говорить, поэтому мы не проронили ни слова.

Татьяна, не мигая, смотрела на меня огромными, полными слез глазами, а потом медленно опустилась на стул и, зажав рот двумя руками, начала мотать головой. Я неотрывно смотрел на нее и неспешно вытаскивал все содержимое из своих карманов. Потом поставил на стол вещмешок с продуктами, резко развернулся и пошел прочь. Боковым зрением я видел, как Татьяна зажала уши, ожидая, что я громко хлопну дверью. Но я прикрыл ее тихо, словно боясь потревожить, спугнуть невоенное счастье.

Так закончился мой довоенный фильм с названием «Моя дорогая учительница». Я вернулся на фронт и начал искать смерти. Я искал ее с каким-то остервенением. А она обходила меня стороной, пугаясь моего упорства.

Сегодня погибнуть должен был я, я, а не этот пацан... – проговорил Анатолий, а потом, чуть отстранившись, прошептал: – Прости. Прости меня, Маша за слабость. Просто ты показала мне такой родной-родной. Я всю жизнь мечтал жениться на учительнице, а теперь понял, что мне нужна сильная, волевая женщина, способная на самопожертвование. Одним словом, настоящая «Ночная ведьма». Спасибо тебе. Ты помогла мне понять, что жизнь не закончилась, что не все так плохо. Да и войне скоро конец. Вон как немцы бегут. Значит,

поживем еще, Мария Николаевна? Наверное, наша встреча была запланирована заранее. Она нужна была и тебе и мне. И, если твое сердце свободно, то я готов...

– Вот война закончится, тогда и поговорим, – улыбнулась я. Мы обменялись адресами и разлетелись в разные стороны. Тогда, в нашу первую встречу, я ему не сказала, что до войны работала учительницей. Мне не было еще и пятнадцати, а я уже вела уроки русского языка в начальных классах. В 1934 году меня даже назначили инспектором по ликвидации неграмотности. А в 1935 году я поступила в Свердловский педагогический институт на учителя математики. Наша студенческая жизнь была необыкновенно насыщенной и интересной. Мы занимались спортом, участвовали в художественной самодеятельности, устраивали диспуты и вечера. Каждое утро веселая студенческая братия устремлялась по набережной от общежития к институту, а вечером в обратную сторону. Однажды в наш многоголосый студенческий поток влился учитель физкультуры и громко выкрикнул:



– В Батайской школе летчиков объявлен дополнительный набор! Берут не только ребят, но и девчат! Свои силы должны попытать самые спортивно подготовленные, то есть все!

Поток на миг замер, а потом начал нарастать шепоток удивления, восторга, возмущения и еще каких-то эмоций.

– Маша Тепикина, поезжай, – крепко сжав мою руку, попросил физрук. – У тебя обязательно получится, я уверен.

– Да нет, я не пройду по здоровью, – отмахнулась я. – Какая из меня летчица, Владимир Васильевич?

– Самая замечательная летчица получится, вот увидишь.

– Нет, не поеду, у меня сердечко пошаливает.

– Влюбилась, небось, вот и пошаливает. Не дури, Мария, второй такой возможности не будет. Попробуй, – упрасивал он. – Самое главное – это медкомиссия. А за экзамены по русскому и математике я даже не переживаю. Ты же у нас одна из лучших в институте. Да и по всесоюзному диктанту четверку получила. Надо ехать, Маша. Будешь ты у нас летчицей – авиатриссой! Это же фантастика! Ну, соглашайся.

Я живо представила летящий в небе самолет, себя за штурвалом, и решила поехать в летную школу. Из института меня, конечно, не отпускали. В деканате меня долго уговаривали, упрасивали и даже приказывали остаться, но я была непреклонна. Наконец руководство института сдалось, и я отправилась в Батайск.

Так в 1936 году начался новый этап моей жизни – летная школа. Три с половиной года мы скрупулезно изучали устройство самолетов У-2 и П-5, постигали азы самолетовождения, прыгали с парашютом. После летной школы я получила направление в Семипалатинск. Вышла замуж за летчика. Мы с мужем летали в одной эскадрилье, развозили почту и легкие грузы по трассе Семипалатинск, Павлодар, Лебяжье, Иртышск вдоль Иртыша.

Однажды повезла я почту в Усть-Каменногорск. Туда добралась благополучно. Дозаправляться не стала, уж очень домой торопилась. Лечу обратно вдоль реки Иртыш и чувствую, что скорость начинает падать. С чего бы это? Все приборы в норме, горючее есть, а скорость гаснет. Смотрю вперед, а над Семипалатинском высоченный столб песка. Началась песчаная буря.

Ветер был такой сильный, что я минут двадцать висела над рекой, не в силах перелететь ее. Запас топлива начал иссякать, а буря и не думает заканчиваться. Тогда я приняла решение садиться на запасной, санитарный аэродром, обругав себя за то, что не дозаправилась. Только я повернула к санитарному аэродрому, вихрь начал смещаться в сторону, словно ожидал моего решения. Я воспользовалась переменной ветра и поспешила на базовый аэродром. Приземлилась благополучно, зарулила на свою стоянку, и винт заглох. Топливо было израсходовано полностью.

Все бросились обнимать меня, поздравляя с благополучной посадкой. Оказалось, что песчаный столб был высотой девяносто метров, диаметром тридцать метров, а скорость ветра равнялась тридцати метрам в секунду. После этого случая я всегда самолет дозаправляла. Больше не испытывала судьбу, Мария Николаевна улыбнулась, пригладила волосы и, глянув в окно, проговорила:

– Я перестала испытывать судьбу, зато она решила испытать меня. В июле 1941 у нас с Петром родился сын. Но наше счастье было недолгим. Жуткое слово «война» раздавило его своими кирзовыми сапожищами, искаверкав наши судьбы, уничтожив все, что было нам дорого.

Петра отправили на Южный фронт. Их эскадрилья сделала остановку в Ростове. Оттуда я получила первое и последнее его письмо. Их самолет сбил немецкий мессершмитт над поселком Чаплинка...

Только я оправилась после смерти Петра, как новое горе обрушилось на меня: умер наш сын. Земля ушла у меня из-под ног и я полетела вниз, в темноту, в пропасть. Но чьи-то сильные руки подхватили меня и заставили лететь вверх, в небо, дали почувствовать, что все изменится.

Я решила, что должна бороться с ненавистными фашистами. Я обязана отдать свою жизнь за свободу и независимость Родины.

Я стала проситься на фронт. Но все мои просьбы отклоняли, объясняя, что я нужна здесь, в тылу, как опытный летчик-инструктор. В Актюбинской авиашколе ГВФ я подготовила более пятидесяти человек, работая днем и ночью.

Как-то раз прибегает ко мне Людочка Горбачева с радостной новостью:

– Маша, на двух летчиц разрядка в школу пришла, вызывают в Москву, в отдел ВВС! Давай проситься!

На следующий день прихожу к начальнику авиашколы и узнаю, что послать в Москву решено не меня, а Аню. Я принялась убеждать начальника, что послать на фронт нужно именно меня. Но он ни в какую не соглашался, аргументируя, что из Москвы получены уже подписанные документы на конкретные фамилии.

– А вы скажите, что мы вылетели раньше, чем документы прислали, – умоляла я его.

– И что ты так на фронт рвешься, девочка моя неразумная? Думаешь там легче?

– Нет, не думаю. Просто мне надо на фронт... у меня же никого не осталось, а у Ани ребеночек маленький. Ему мама нужна, понимаете?

– Ну, ладно, лети птенец отчаянный, да меня потом, смотри, не брани, – сдался командир.

Вот так я попала в сорок шестой гвардейский Таманский полк ночных бомбардировщиков и стала «Ночной ведьмой». Сделала я шестьсот сорок боевых вылетов – это две тысячи сто девяносто девять часов. Летом на задание вылетали по пять раз, а зимой по восемь. Однажды мне пришлось вылетать пятнадцать раз. А записали мне только четырнадцать вылетов. Мой пятнадцатый приписали другой летчице.

Смешно сейчас все это вспоминать: кругом взрывы, пожары, смерть, а люди занимаются приписками, халтурят, подтасовывают факты, надеясь, что война все спишет. Многие тогда копили деньги, собирали трофеи, решая, куда это все потом приспособить.

Я все деньги маме и сестре отсылала, а трофеев никогда не брала. Зачем мне чужое? От смерти ведь ни деньги, ни трофеи не спасут.

– Страшно было на войне? – спросила Оля.

– Нет, страха не было. Сначала, правда, не отпускали тревога, волнение, беспокойство. Я в детстве пережила два пожара, поэтому огонь был для меня чем-то зловещим, вселяющим цепящийся страх¹². А тут горит, полыхает вся линия горизонта. Но надо лететь, чтобы не нарушить приказ. Я собрала всю волю в кулак и полетела, решив бросить вызов огненному зареву.

Только пролетев над стеной огня, я поняла, что одержала победу. Огонь был там, внизу, а я парила над ним, недоступная его красным, горячим лапам. Тогда я сделала для себя важный вывод: если мы поворачиваемся к страху лицом, а не спиной, то он сам убегает от нас. Он может управлять только слабыми, трусливыми людьми.

– Я с вами согласна, – проговорила Оля. – Мы один раз попали в сильную грозу, оказавшись в самом эпицентре черного монстра. Самолет мотало так, что невозможно было устоять на ногах. Мы взмывали резко вверх, потом стремительно летели вниз. По обеим сторонам борта сверкали яркие вспышки молний. Самолет трясся, как больной в лихорадке.

Потом, когда мы вырвались из грозовых объятий, пилоты сказали, что чувствовали себя, как на войне. А я тогда подумала, что страх, поселившись однажды в душе, уже никогда не отступит. Поэтому надо гнать его прочь.

– Правильно, – подтвердила Мария Николаевна. – Надо только раз найти в себе смелость преодолеть страх, тогда он тебя сам будет обходить стороной.

¹² Мария Николаевна Попова погибла при пожаре в собственной квартире 31 октября 2003 года. Ей было 86 лет. Она была необыкновенной женщиной. С первых же минут общения собеседник был очарован ею. Рассказы Марии Николаевны можно было слушать до бесконечности. В книгу вошла лишь малая часть того, что поведала мне Мария Николаевна за полгода до смерти.

Был в моей летной жизни такой случай: возвращались мы с Шурочкой, Александрой Акимовой с боевого задания. Облачность слоисто-кучевая, нас видно, как на ладони. Слышу, Шурочка кричит:

– Маша, посмотри по сторонам.

А мне некогда головой вертеть, я же по приборам лечу, сижу, уткнувшись в приборную доску. Но крик Саши и странные хлопки, словно кто-то надутыми пакетиками хлопает, заставили меня поднять голову. Вижу, со всех сторон от нашей «уточки» огненные вспышки и искры в разные стороны рассыпаются. Воздух так пропитался сажей, что казался чернее самой темной южной ночи. Но долго смотреть на вспышки мне было некогда, поэтому я снова в свои приборы уткнулась и обо всем забыла.

Когда же мы благополучно приземлились на свой аэродром, то были похожи на шахтеров, поднявшихся из забоя. Смотрели с Шурочкой друг на друга и смеялись. Так и пошло с тех пор: если сначала очень страшно, то потом будет очень смешно.

А однажды из-за поломки самолета пикировала я с четырех тысяч метров до ста шестидесяти. Чудом удалось посадить машину. Когда я шла на посадку, дома были выше меня. Надо было приложить все мастерство, чтобы не задеть ни одну крышу. Да и приземлялась я не с той стороны. На земле все переполошились, думали – немцы. А когда поняли, что свои, то дежурный кричать принялся:

– У нее еще и бомбы висят! Да эта ведьма могла нас всех угробить!

– Настоящие «Ночные ведьмы» бомбы сбрасывают только на неприятеля, – спокойно ответила я. Устранила неполадку и полетела дальше, – Мария Николаевна улыбнулась.

Полеты, полеты... Похожие и разные, опасные, напряженные. Каждый полет был испытанием на летное умение, на мужество, находчивость, выдержку. Летишь, как на самый трудный экзамен, и не знаешь, какой билет сегодня вытянешь. Особенно мне запомнился шестидесятый боевой вылет. Мы тогда со штурманом Олей Голубевой вылетели в район Керчи. Обстановка сложная, сведений о расположении противника почти нет, поэтому высота бомбометания была задана более тысячи метров. Мы вышли строго на цель, но тут нас ухватили сразу три прожектора. Отбомбиться мы, правда, успели. Теперь надо было уйти. Я начала крутить самолет сначала вправо, потом влево, резко меняя курс. Но фрицы не выпускают нас из зоны прожекторов, да еще и артобстрел начали. Тогда я решила направить самолет с резким снижением в сторону моря, то есть начала пикировать. Немцы нас потеряли. Прожекторами еще немного пошарили по пустому небу, но нас не нашли. Зенитчики, правда, стрельбу не прекращали, палили в темноту.

Мы вышли из зоны огня в районе Керченского пролива. Море – ласковое и грозное – спасающее от вражеских зениток и прожекторов, показалось холодным и неприветливым, потому что нам нужно было дотянуть до берега на поврежденной машине. Дотянуть, во что бы-то ни стало.

Экипажи, видевшие наше резкое снижение, решили, что мы погибли. Но Евдокия Бершанская не поверила. Она приказала зажечь посадочные огни и ждать. Через двадцать минут вернулась наша «двойка». За этот полет нас потом наградили орденами.

– А много у вас наград? – поинтересовалась Оля.

– Два Ордена Отечественной войны I и II степеней, Орден Красного Знамени, медали за оборону Киева и победу над Германией.

Было у меня и взыскание за невнимательность и неосмотрительность при посадке. Я случайно врезалась в дерево и поцарапала крыло самолета. Меня держали трое суток под арестом, а потом еще три месяца высчитывали по двадцать пять процентов из зарплаты за эту злополучную царапину на крыле.

Но это все были досадные мелочи, на которые не следовало обращать внимания. Главное было предчувствие конца войны. В воздухе запахло весной и свободой.

В 1945 году мужской и женский полки объединили в одну дивизию. Мы снова встретились с Толей. Встретились, чтобы уже не расставаться.

Толя уговорил меня пойти в штаб армии, чтобы получить разрешение на брак. Я очень волновалась, но пожилой, седовласый командир армии глянул на наши счастливые лица и без проволочек выдал разрешение.

Окрыленные, мы вышли из штаба Армии на улицу, пахнущую свежей листвой. Вдруг, с противоположной стороны, к нам метнулся заплаканный немец. Он принялся умоляюще о чем-то нас просить. Я так растерялась, что не сразу поняла его слова. А он попросту просил у нас несколько злотых, чтобы купить лекарства для своей больной фрау. У немца были только марки, которые не принимал аптекарь поляк. Аптекарь требовал злотые, отвергая деньги оккупанта. Немец был вне себя от горя.

– Толя, пожалуйста, дай ему денег, – попросила я.

– С большим удовольствием, битте, – проговорил Толя, протягивая немцу все свои деньги.

Немец взял ровно столько, сколько требовалось – двадцать злотых, расцеловал мне обе руки и помчался в аптеку. Немецкая фрау была спасена.

А нам предстояла недолгая разлука. Толю переводили в польский город Калиш.

Перед отъездом мы сыграли грандиозную свадьбу, гостями на которой были все наши однополчане.

Жизнь потихоньку начала налаживаться, приобретая живые, весенние, яркие краски.

В Калише Толя быстро нашел комнатку в доме у милой старушенции пани Кишковской, которая сносно говорила по-русски и была рада приютить нас у себя. Пани стала нашей польской мамой, на время заменив нам родных, по которым мы безумно скучали.

В день нашего отъезда пани Кишковская встала чуть свет, чтобы испечь для нас миниатюрные сдобные булочки. Ей очень хотелось побаловать нас чем-то вкусеньким, а заодно и отблагодарить нас за полный сарай угля, который мы для нее заготовили. Маленькая старушенция долго-долго бежала за грузовиком, увозящим нас из Польши. А я прижимала к груди теплые булочки, пахнущие корицей, и не могла сдержать слез.

Я до сих пор помню маленькую, милую пани Кишковскую, которая всегда была чисто и аккуратно одета, безукоризненно причесана. Свои длинные, побелевшие от страданий волосы она укладывала каким-то замысловатым образом. Серые, живые, любознательные глаза пани Кишковской светились неподдельной радостью. На лице всегда дружелюбная улыбка. От этой милой старушенции исходило такое тепло и обаяние, что мы забыли о тяготах войны, о потерях и утратах, почувствовали себя по настоящему счастливыми. – Мария Николаевна улыбнулась и провела рукой по своим седым волосам. – У меня теперь волосы такого же цвета, как у пани Кишковской. Да и лет мне столько же, сколько было тогда ей. Я тоже превратилась в милую старушенцию, которой посчастливилось встретить в жизни немало хороших людей. И еще я сделала очень важный вывод: в любом возрасте есть свои преимущества, потому что с годами мы становимся мудрее, опытнее, спокойнее, начинаем внимательнее относиться к другим, учимся слушать и слышать.

– А мне кажется, что возраст давит на плечи, заставляя людей пригибаться к земле, – проговорила Оля.

– Если человек честен, то его ничто не может согнуть. Нас сутулят и уродуют плохие поступки и плохие помыслы. Оставайтесь всегда доброй. Научитесь дарить любовь. Ведь порой людям не хватает целой жизни, чтобы постигнуть простую науку – науку любви. А постигать эту науку просто необходимо.

Я до сих пор дружна с мамой моего первого мужа Петра. Мы общаемся с Татьяной – первой женой Анатолия. Ее дети бывают у нас. А внучка постоянно передает приветы

бабе Мане из Лобни. Она всем рассказывает, что у нее есть бабушка, которую родные зовут: «Добрейшая Ночная Ведьма», потому что она во время войны летала на «уточках».

Оля рассмеялась, представив, как удивительно звучат в устах ребенка эти слова: «Добрейшая ведьма, летающая на уточке», а потом спросила:

– А после войны вы летали?

– Да. В 1947 году Толю перевели в Иркутск, и я тоже начала проситься на летную работу. Пилотов не хватало, поэтому-то меня и взяли.

Летали мы с Толей в разных экипажах, потому что он никак не хотел мириться с тем, что у него жена авиатрисса. Все уговаривал меня приземлиться, заняться домашним хозяйством. А я не могла себе представить жизни без полетов, без неба, без неповторимой красоты и очарования, которую на земле увидеть невозможно. К тому же мой диагноз – «больна небом» – был неизлечим. Только за штурвалом я могла чувствовать себя совершенно счастливой.

География наших полетов была такой: Киринск, Витим, Бодайбо, поселок Мама. Туда везли пассажиров, а обратно слюду, золото, драгоценные металлы. Тогда в самолетах сидения представляли собой откидные металлические лавки, закрепленные вдоль бортов. Пассажиры сидели друг против друга, держа свой багаж между ног. Когда рейс заканчивался, лавки прижимали к бортам, освобождая место под груз. И обратно мы уже летели, как грузовой самолет.

Подлетаем однажды к Батайску, снижаемся по глиссаде, видим, чуть в стороне гроза полыхает, дождь проливной хлещет, а прямо перед нами ясное, чистое, словно умытое небо, будто природа к нашему прилету генеральную уборку сделала. Красота!

Бывали и неприятные случаи. Зимой мы с командиром Меловым попали в сильную снежную бурю. Самолет обледенел и начал падать. Падали с высоты три тысячи метров. Командир вцепился в штурвал и окаменел. Решений никаких не принимает. Молча смотрит в одну точку. Наверное, мысленно со всеми попрощался. Высота уже сто метров...

Я не выдержала, рванула штурвал на себя, самолет резко пошел вверх. Поднялись до девяти сот метров, выше лезть не стали. Полет завершился благополучно, все остались живы. А Толя после этого полета мне ультиматум выдвинул: «Или семья, или полеты». Пришлось мне с полетами расставаться. Так в 1948 году превратилась я из авиатриссы в маму.

Через несколько лет перебросили нас в Магадан. Жили мы на реке Дукча, которая впадает в Веселую бухту. Наш сын Виктор пошел в школу, а я пошла работать авиадиспетчером.

Работалось мне легко. Все пилоты мои команды беспрекословно выполняли, побаивались «Ночную ведьму».

А когда в 1959 году началось строительство аэропорта Шереметьево. Толю перевели в Москву и назначили старшим диспетчером авиационно-диспетчерской службы в новом строящемся аэропорту. И для меня работа нашлась. Я стала диспетчером информационной службы. А в 1967 году получила предложение возглавить новую службу бортпроводников.

– Подумать только, – рассуждала я тогда, – выходит, что профессия стюардесс появилась на девятнадцать лет позже профессии авиатрисс! Первой стюардессой стала американка Элен Черч Маршал в 1930 году. А в России первой стюардессой стала Эльза Городецкая в 1933 году. Несколько месяцев она была единственной русской стюардессой. Все остальные девушки боялись высоты и неженского труда. Ведь первые стюардессы должны были носить багаж пассажиров, гонять в салоне мух, не забывать вытряхивать пепельницы. А пассажиры усаживались в плетеные, складные кресла-шезлонги и периодически поглядывали за борт, наблюдая за полетом.

После этого прошло более тридцати лет, прежде чем появилась целая служба бортпроводников, которую мне и предлагали возглавить. Я согласилась, не подозревая о той закулисной возне, которая начнется за моей спиной...

То главному бухгалтеру подавай пальто как у стюардессы. То его заму срочно нужны английские лекарства... Разумеется, за все эти блага должен платить «дядя», то есть бортпроводник. Меня такие просьбы возмущали до глубины души. Не привыкла я жить за чужой счет, никогда чужого не брала, да и другим не позволяла.

Короче нажила себе врагов. Начались проверки, которые, разумеется, никаких огрехов в работе службы бортпроводников не нашли. Наоборот, члены комиссии удивлялись, как это мы умудряемся так честно работать в наш век, когда все пропитано ложью, взяточничеством и завистью. Разводя руками, комиссия уезжала.

Но следом за ней приезжала другая, не верящая в то, что можно работать честно. Наконец мои «доброжелатели» нашли-таки изъян: Попова не знает английского языка, значит, не может руководить службой. Ура!

Закончилась моя жизнь в Аэрофлоте. В очередной раз я с небес опустилась на землю, в прямом и переносном смысле. Но я не унывала, потому что у меня теперь была более важная профессия – бабушка. Я занялась воспитанием своего единственного внука Шурика.

Всю жизнь я стараюсь искать плюсы во всем, что с нами происходит, понимая, что главное – не лениться искать и не пасовать перед трудностями. Как мудро сказал Теннисон: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Наверное, это – кредо всей моей долгой, интересной жизни, о которой я вам все без утайки рассказала. Теперь ваш черед рассказывать, моя милая, а я буду вас внимательно слушать, – Мария Николаевна подперла щеку рукой и заулыбалась.

– Мы не виделись с Александром почти год. За это время я, благодаря вам, попала на курсы бортпроводников. Учеба так захватила меня, что я обо всем на свете забыла, – задумчиво произнесла Оля, мысленно возвращаясь, на пять лет назад. Это возвращение было волнующим, томительным и одновременно желанным. Потому что о стране прошлого мы всегда знаем гораздо больше, чем о стране будущего.

– Летом нас отправили на практику во Внуково. Я ужасно волновалась, потому что никогда прежде не летала на самолетах. А еще я волновалась, потому что должна была выйти в салон, к пассажирам. Руки у меня дрожали, стаканчики прыгали, пассажиры смотрели на меня во все глаза, я глупо улыбалась и шла вперед по салону, не различая лиц. Какой-то пассажир неловко протянул руку и, поднос с минералкой полетел ему на голову.

– Был грандиозный скандал? – поинтересовалась Мария Николаевна.

– Нет, – засмеялась Оля. – Этим пассажиром оказался Александр. Он принялся обнимать меня, говорить милые глупости, заявляя, что решил жениться только на той стюардессе, которая обольет его. В заключение он прочел мне стихи Роберта Рождественского:

...Я уехал от тебя,
Но однажды вдруг вошла
В самолет летящий ты
И сказала: «Знаешь, что,
Можешь не улетать,
Потому что у тебя из этого
Ничего не получится...

Потом мы с ним гуляли по Ташкентскому базару...

Оля вспомнила смешного старичка со скрипучей детской коляской, в которой нагло развалились лысые персики. Воспоминания закружили ее в дивном вальсе, пропитав каждую клеточку сладковатым персиковым нектаром.

– До встречи с Александром мне казалось, что я знаю и могу все, все, все. Но наша встреча изменила всю мою жизнь. Я не перестаю восхищаться этим потрясающим чело-

веком. Рядом с ним я чувствую себя аборигеном, попавшим в цивилизованное общество. Мне порой кажется, что мой муж – Александр Карельский – это целая вселенная, которую я никогда не смогу постигнуть. Он так фантастически ухаживает, что любой день рядом с ним превращается для меня в праздник. Мне начинает казаться, что я становлюсь другим человеком. Такое возможно?

– Конечно, возможно. Мы все постепенно становимся другими, потому что сначала мы учимся быть молодыми, потом познаем премудрости взрослой жизни и, наконец, учимся быть пожилыми. Знаете, быть пожилыми – это тоже целая наука, постижение которой у вас еще впереди. Пока же вам следует наслаждаться премудростями взрослой жизни.

– Как вы верно сказали: «Наслаждаться!» Мы с Александром и правда наслаждаемся жизнью. Представляете, он необыкновенный романтик, фантазер, влюбленный в горы. Однажды утром Саша достал рюкзак и сообщил, что пришла пора покорять горные вершины. Но оставлять меня без присмотра он не желает, поэтому мне следует надевать штормовку и следовать за ним. Я с радостью согласилась, хотя, если признаться честно, не очень-то хотела тащить тяжеленный рюкзак. Но показать Александру свою изнеженность мне хотелось и того меньше. Я же всегда утверждала, что все-все могу, что непременно со всем справлюсь. Отступать было нельзя.

Решив, что справиться с такой простой ролью «ах, как я счастлива, дорогой» мне будет совсем нетрудно, я взяла рюкзак, надела штормовку и пошла вместе с Александром покорять горные вершины. Однако роль оказалась не из легких. Но я продолжала лучезарно улыбаться и говорить, что бесконечно счастлива и благодарна, думая лишь об одном: «Скорей бы это все закончилось». Но когда мы поднялись на самую вершину горы, я поняла, что по-настоящему счастлива.

Мы стояли на ровной площадке и любовались восходом. Сквозь чистый горный воздух были видны мельчайшие детали ландшафта. Причудливые тени легли на горные склоны. Отвесные шпили то появлялись, то исчезали за облаками.

Когда же облака рассеялись, мы увидели величественный пик, врезавшийся прямо в небосвод. Пока я завороченно рассматривала возникшую вершину, Саша рассказал мне легенду.

«Давным-давно, жил князь-гора Таранаки, который постоянно сражался с воин-горой Тонгараки. Никак князья не могли поделить деву-гору Пиханой. В одном из боев победил Тонга-раки, поэтому Таранаки пришлось отступать на запад, по пути прорубая себе ущелье, которое тут же заполнил сверкающий ледник.

Теперь на вершине горы и ледника отдыхают белые облака, отражаясь в хрустальной, голубой воде маленького озера. Если внимательно присмотреться к леднику, то можно увидеть фигурки в белых одеждах. Это души отверженных влюбленных...»

Я присмотрелась к белому ледниковому языку и увидела шпили из смерзшегося снега высотой в человеческий рост. У меня даже мурашки побежали по коже, потому что причудливые ледяные фигуры действительно напоминали людей в белых одеждах.

А ночью, когда луна осветила ледник, создалось впечатление, что фигуры движутся вверх, к вершине, к облакам, к небу, чтобы найти утешение.

Потом, правда, Саша объяснил мне, что фигуры из льда образуются в результате электризации ультрафиолетом сухого воздуха. Подтаявший за день снег ночью начинает замерзать, а электрическое поле заставляет ледяные кристаллы располагаться перпендикулярно магнитным силовым линиям Земли, что придает шпилям одинаковые очертания.

Но мне хотелось верить, что это не ледяные кристаллы, а безутешные влюбленные, потому что весь окружающий ландшафт был пропитан романтикой. Вертикальные каменные стены устремлялись ввысь из клубов тумана и облаков. Тут и там, ухватившись за уступы и втиснувшись в расселины, прятались мелкие деревья.

– В облике гор поэты и художники могут найти четыре главные красоты: первая – скалы и горные вершины, вторая – похожие на изваяния деревья, третья – необыкновенный горный воздух, дающий живительные силы и четвертая – море облаков – сказал Александр.

Облаков было так много, словно они нарочно собрались в одном месте, чтобы продемонстрировать нам свой танец вокруг горной вершины. Облака кружились, закрывая горы непрозрачной вуалью, а потом разлетались в разные стороны, выставляя на всеобщее обозрение холодную красоту. Лучи восходящего солнца заставляли горы, окруженные пушистыми облаками, покрываться румянцем.

Но это еще не все чудеса, которые я видела в горах. Однажды, миновав перевал, мы попали на покрытое снегом пространство. Было странно видеть снег, когда на улице плюс двадцать пять.

– Почему снег не тает? – проговорила я и сделала шаг.

Снег зашевелился под моими ногами и начал волнообразно подниматься вверх. Я даже перестала дышать, потому что вдруг поняла – это не снег, а бабочки! Туча белых бабочек, затрепетав легкими крылышками, вспорхнула, поднялась вверх и растаяла. Такой красоты я не видела прежде. Зато теперь мне стоит просто закрыть глаза, чтобы увидеть сотни белых бабочек, кружащихся над головой.

Однажды был и неприятный случай: мы попали под сильнейший ливень, когда находились на отвесной скале. Спрятаться было негде. Струи дождя хлестали нас своими холодными плетями, стараясь вымочить до нитки. Ветер бушевал с такой силой, словно хотел сбросить нас вниз на острые камни, торчащие акульими клыками. Минут тридцать мы боролись с налетевшей стихией. Когда силы были уже на исходе, шквал ветра неожиданно утих, выглянуло ласковое солнце. Мы с трудом выбрались на ровное место, развели костер и принялись вытряхивать из рюкзаков промокшие до нитки вещи. Просушка заняла целые сутки.

Мы тогда порадовались, что наш сын Артемка остался дома.

– У меня такое впечатление, что я разговариваю со скалолазкой, а не со стюардессой, – засмеялась Мария Николаевна.

– Во мне чудесным образом уживаются два существа: земное и небесное. Наверное, потому что наши тела земные, а души крылатые. Поднимаясь в небеса, я совсем забываю о земных проблемах. Живу этим мгновением, как будто в нем целая жизнь. Парю волшебной феей в воздухе. Нет, не феей, а бабочкой. Я становлюсь одной из тех белых бабочек, которые вспорхнули из-под моих ног там, на горе, – пояснила Оля. – А на земле я снова превращаюсь в смешную девчонку в кепочке, любящую пошалить.

Однажды в горах был такой смешной случай. Нас со Светкой поселили в продуктовую палатку, строго-настрого наказав, ничего не брать. Мы честно старались не смотреть на рюкзаки с продуктами, долго боролись с чувством голода, а потом все же решили съесть по шоколадке. Но только мы зашуршали оберткой, в палатку заглянул Командор.

Он грозно сверкнул глазами и тут же приказал убираться вон. Ночь мы провели под открытым небом, созерцая, как падают звезды. На нарисованный замок, который красовался на продуктовой палатке, нам смотреть совершенно не хотелось.

Утром Командор прочел обвинительную речь в наш адрес. Мы почувствовали себя врагами народа и дали честное слово, что никогда, ни при каких обстоятельствах брать чужого не будем.

Ой, Мария Николаевна, я вас совсем заговорила, – всполошилась Оля.

– Милая деточка, мне было очень приятно с вами побеседовать. Но боюсь, что мне пора. – Она глянула на часы и, покачав головой, добавила:

– Время неумолимо бежит вперед. Неизбежно приходит пора прощаний. Если вы захотите, то запросто сможете поболтать со мной по телефону или даже зайти в гости.

Мария Николаевна быстро написала свой телефон и адрес, вырвала из блокнота лист и протянула его Оле со словами: «Звоните, милая».

Оля дала себе слово, что в самое ближайшее время позвонит, но снова обстоятельства оказались сильнее. Их следующая встреча произошла лишь через пятнадцать лет.

5

Работа в службе бортпроводников была совсем не похожа на работу в проектной институте. Вместо одного милого начальника Геши – Геннадия Борисовича Оля должна была подчиняться сразу нескольким: начальнику службы, парторгу, начальнику отделения, инструктору, диспетчеру. Порой приказы всех этих людей были настолько несогласованными, что выполнить их не представлялось никакой возможности.

Сколько раз хотелось Оле бросить все и вернуться к чертежным доскам, чтобы в полной тишине изобретать детали. Но неизменно это желание заглушал звук взлетающего самолета. Оля поднимала лицо к небу и улыбалась, зная какой работой заняты сейчас стюардессы, в пролетающем самолете.

– Нет, – говорила сама себе Оля, – никуда я не уйду. Ведь я же самая настоящая стюардесса.

Однажды Оля заболела ангиной, и добрая врач отряда радостно сообщила: «Вот ты и попала на крючок, крошка! Теперь весь год будешь ежемесячно кардиограмму делать и все анализы сдавать».

– Зачем? – удивилась Оля. – Мы же и так четыре раза в год медицинскую комиссию проходим.

– Комиссия здесь ни при чем. А вот ангина – самая опасная болезнь для бортпроводника, – без тени улыбки сообщила врач. – Аэрофлот по всему миру летает, а ты ангиной людей заражать собралась. Попадут твои бактерии на поднос с питанием, что тогда?

– Но я же больная не летаю, – возразила Оля. – Потом, насколько мне известно, ангина воздушно-капельным путем не передается. А ложки пассажирские я не облизываю.

– Не умничай тут, – рассвирепела добрая женщина. – Не забывай, кто ты и кто Я! Анализы будешь еженедельно сдавать. Скажи спасибо, что я тебя на землю не списываю, а только к психиатру направляю.

– Зачем? – поинтересовалась Оля, хотя чувствовала, что вредит себе подобным вопросом.

– Людмила, – обратилась добрая врач к медсестре, – направь ее заодно к окулисту, стоматологу, лору и хирургу, пусть выяснят, чем она еще больна. Ой, я совсем про дерматолога забыла. Ангина ведь может дать кожные высыпания. Направляй ее к дерматологу.

Оля вспомнила толстую тетю Люсю – жену дяди Коли и мысленно сказала сама себе:

– Ты забыла, милая глупышка, что взрослые не любят, когда им говорят правду. Они любят ложь, лесть и низкопоклонство. Исключения из правил категорически не допускаются. Это нонсенс!

– Не забывай, милая, что мы заботимся о твоём здоровье, – улыбнулась добрая женщина. – Иди, мы теперь с тобой часто видеться будем.

Оля сидела в сквере перед зданием медицинского корпуса и размышляла о несправедливости, которая липкой, сладкой жижей растекается по фарфоровому блюдцу.

Потом умные люди объяснили, что «ласковый теленок двух мамок сосет», что за кожный плащ комиссию может пройти безрукий, безногий и даже безголовый. Но Оля, с детства не любившая подхалимаж, упорно ходила сдавать анализы, четко уяснив одно: больше диагноза «ангина» у нее не будет.

Оля вообще больше не болела. Наверное, выработался стойкий иммунитет на болезни или на врачей добрых, заботливых, внимательных.

Когда было трудно, Оля повторяла магическую фразу: «Я – самая настоящая стюардесса!» и смело шла сдавать зачеты осенне-зимнего и весенне-летнего периодов: ОЗП и ВЛП. На этих зачетах строгая партийная комиссия задавала вопросы, связанные с международной обстановкой, внимательно проверяла конспекты всех съездов партии, начиная с двадцатого. Бортпроводник должен был без запинки рассказать обо всех мировых событиях, назвать номера всех приказов, подписанных за полгода, и точно передать их содержание. Ответить на интересующие комиссию вопросы личного характера, сдать зачеты на знание иностранного языка. Предъявить свою рабочую тетрадь, где были записаны рационы питания пассажиров, компоновка самолетов, расположение аварийно-спасательных средств, полный перечень стран, в которые летает Аэрофлот, маршруты всех полетов, информация о каждом пролетаемом месте, словно бортпроводник весь рейс только и делает, что сидит у иллюминатора и бодрым голосом рассказывает о красотах за бортом.

В действительности рассказывать о маршруте полета удавалось только в длительных рейсах. Но по-настоящему проявляли интерес к маршрутным картам немногие пассажиры. Поэтому со временем работу с маршрутными картами отменили, обозначив маршрут в журнале «Аэрофлот».

Абсурдов, с которыми приходилось Оле сталкиваться, было множество. То уборщица начинала кричать: «Я тебя уволю! Ты у меня работать не будешь!».

- А я у вас и не работаю, – смеялась Оля.
- Да кто ты есть? – распалялась женщина.
- Я – стюардесса!
- Ты – воздушная уборщица, – следовал новый вопль. – Да я тебя...

После рейса приходилось караулить контейнеры с остатками питания и грязной посудой. Бортпроводник – лицо материально ответственное – должен сдать все под роспись работникам цеха бортипитания. А они люди наземные, им торопиться не надо. За своими контейнерами могли приехать и через полтора часа после посадки. А во время пересменки просидеть можно было еще дольше. Никого не интересовало, что рабочее время бортпроводника давным-давно закончилось, что он сидит в холодном, обесточенном самолете. Никто не думал о хрупкой стюардессе, которая после разгрузки самолета должна будет спускаться вниз по трясущейся стремянке, совершая настоящие цирковые трюки.

- Почему вы не жалуетесь? – удивлялись сердобольные техники.
- Жалуемся. Но делаем только хуже себе. Начальство отвечает так: «Не нравится, пишите заявление об уходе. У нас нехватки в желающих нет».
- А если ты упадешь с этой стремянки?
- Упадешь – сама виновата. Никто тебя не заставлял по стремянкам лазить. Рабочее время закончилось, почему ты еще не покинула территорию аэропорта? А рабочим временем считается только полетное время плюс тридцать минут до и после посадки. Все остальное – ваше личное время.

Замкнутый круг безобразий. Бортпроводник должен, обязан, но не имеет никаких прав. Никаких...

Недаром сокращенное название службы бортпроводников СБП – Совершенно Без Прав.

Но самым неприятным было существование иерархической лестницы, по которой бортпроводнику приходилось неспеша подниматься. Начиналось все с полетов по Советскому Союзу, где молодые бортпроводники получали основные навыки работы, учились выполнять конкретные задачи: помогать пассажирам в полете. Эти союзные рейсы были

совсем не похожи на рейсы Внуковских авиалиний. Самолеты были чище. Питание пассажирам предлагали на индивидуальных подносах, а не в пакетах. Причем на аккуратных, застеленных салфетками, подносах лежала холодная закуска, булочка, джем, масло и даже «мраморное» пирожное, названное так за орнаментную поверхность из глазури. Шереметевские куры имели весьма съедобный вид и пахли очень аппетитно. Оля радовалась, что нет никаких «прямых» яиц в шуршащих пакетах, нет синюшных кур, умерших своей смертью, нет «огрызков» киевской колбасы. Еще ее радовало наличие на борту разнообразного ассортимента напитков и даже вин, которые наливали в стеклянные, пузатенькие стаканчики. Кстати, денег за бутылки у бортпроводников никто не требовал, и это тоже была несказанная радость. Питание бортпроводники развозили на тележках.

Правда, тележки были с норовом: они не хотели ехать вперед, цеплялись за ковры или наоборот самопроизвольно начинали двигаться в противоположном направлении. Но это все равно было лучше, чем носить подносы на руках.

Самым же важным отличием было наличие пассажиров первого класса. Обслуживание таких пассажиров велось на фарфоровой посуде. Вилки, ложки, ножи были мельхиоровые, а фужеры стеклянные. Пассажиру на столик и колени стелили белоснежные, льняные салфетки, пахнущие свежестью, и предлагали закуски мясную и рыбную, потом горячие блюда, сыры, фрукты, чай или кофе с конфетами и пирожными.

Каждый пассажир первого класса за время полета мог выпить четыреста пятьдесят грамм вино-водочных изделий в ассортименте.

Бывали случаи, что перепробовав все вина, коньяки и даже шампанское, пассажиры потом не могли вспомнить своих имен. Но все же чаще летала приличная, малопьющая публика.

Олю сначала пугало то, что бутылки бортпроводник должен открывать прямо в салоне. Но потом она так ловко научилась справляться со своими обязанностями, что, откупоривая шампанское, ни разу не выпустила на волю бьющий пенный фонтан, не пролила ни капельки.

– Это какой-то фокус! – восхищались пассажиры.

– Разумеется, – поддакивала Оля. – Я училась у Игоря Кио.

Однажды она даже самому Кио сказала, что является его ученицей. На что великий маг смущенно посетовал:

– Все могу, а вот за шампанское ни за что не возьмусь. Но пусть это останется нашей маленькой тайной.

– Пусть! – согласилась Оля, поместив эту тайну в свой лабиринт, где прятались старинные буквы SGM, где КВН произносил: май наме из и dear children, где был Madrid con sus barrios...

Полеты по Союзу длились от трех месяцев до года. Все зависело от комиссии, которая решала: достоин бортпроводник подняться на новую ступень их иерархической лестницы или нет.

Достойным открывали советское разрешение, то есть выдавали заграничный паспорт и переводили в 207 отряд, совершающий полеты по странам социалистического лагеря: Польша, Чехословакия, Югославия, Болгария, Германия, Венгрия, Китай, Корея, Монголия.

При полетах в Венгрию, Болгарию, Польшу и Германию бригадир должен был читать информацию о полете на языке той страны, в которую летит самолет. Оле очень нравился венгерский язык. Она медленно выговаривала: «Ё регелт киванок кед-виш уташоинк...» Венгры очень активно реагировали и даже аплодировали, выражая свой восторг.

А еще была смешная информация о Москве, которая заканчивалась так: «Встреча с главным городом первого в мире государства рабочих и крестьян всегда радостное и вол-

нующее событие. Благодарим за внимание». После таких высокопарных слов хотелось кричать: «Ура!»

Однажды зимой Оле пришлось лететь из Иркутска в Улан-Батор на самолете монгольской авиакомпании. Когда члены экипажа вышли на заснеженное летное поле и увидели, как монгольский летчик метлой смахивает снег с самолета, то на миг все остолбенели. Одна стюардесса упала на колени и запричитала:

– Товарищ командир, миленький, оставьте меня в Иркутске. Я боюсь лететь на таком самолете. Я боюсь с такими летчиками...

– Не бойся, если что, я управление возьму в свои руки. У меня же допуски на все типы самолетов, – проговорил командир, успокаивая плачущую девушку.

Экипаж поднялся на борт самолета, где их встретила испуганная монгольская стюардесса с лицом похожим на полную луну. Монголка несколько раз кивнула и скрылась за шторкой. Бедняжка так сильно нервничала, что забыла прочесть информацию, а после взлета она один раз с быстротой молнии пронеслась по салону, предложив пассажирам воду. Новое появление луноподобного лица произошло только после посадки. Стюардесса открыла двери и исчезла в неизвестном направлении.

– Вот это сервис! Нам бы так работать, – хмыкнул бортпроводник.

– Что вы на луноликую напали? Она, наверное, впервые видела так много русских сразу и испытала настоящий стресс, – предположила Оля, пытаясь объяснить странное поведение монгольской проводницы.

– Ну, милая моя, русские – это еще не стресс, – проговорил командир. – Вот летчик с метлой – это настоящий стресс!

К счастью таких стрессов в Олиной жизни больше не было.

Через год советское разрешение заканчивалось, и нужно было проходить новую комиссию, чтобы заслужить право подняться на новую ступень. Достойных переводили в 63 или 37 отряды, которые совершали полеты в развивающиеся страны Африки и Азии. Целых три года бортпроводник мог летать спокойно, получив синий служебный паспорт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.